

Мир Пауков Колина Уилсона

Нэт Прикли

Посланник

«Автор»

1999

Прикли Н.

Посланник / Н. Прикли — «Автор», 1999 — (Мир Пауков
Колина Уилсона)

...Империя пауков гибнет под ударами беспощадного врага. Спасаясь от захватчиков, Найл и его приближенные вынуждены отправиться за помощью к Великой Богине Дельты.

Нэт Прикли Посланец

Прохладная вода обняла разгоряченное тело, омыла кровавые ссадины и смочила волосы. Найл сделал пару глубоких глотков и оглянулся на лагерь победителей: там поднимался к небу дым костров, доносились пьяные выкрики, маячили неуклюжие фигуры, воняло паленым мясом и тухлятиной.

Неужели эта кучка недоразвитых дикарей и в самом деле смогла победить могучую армию наводящих ужас смертоносцев, тысячелетних властителей планеты? Это не укладывалось в мозг. Однако шея еще сохраняла ощущение смертельного прикосновения веревки, в ушах еще стоял смех заключающих пари изуверов, а в голове все звучало: «Уходи!»

Посланник Богини не помнил, какая карта открылась пятой, не помнил, кто разрезал пути на руках и ногах, кто снял петлю с шеи. Очнулся он от толчка Тройлека и его короткого «Уходи!», прогудевшего в мозгу.

Как и любое мысленное послание пауков, этот импульс содержал не просто слово, а целый пакет образов и переживаний: здесь были и радость выигрыша, и уверенность, что сейчас пленнику ничто не угрожает, что за него готовы заступиться все выигравшие вместе со смертоносцем и что вскоре счастливики про все забудут, а неудачники затаят зло и при первой возможности отомстят, что Найлу нужно убежать как можно быстрее и что, если он попадетсЯ снова, то его точно казнят. А еще, как ни странно, беспокойство. Тройлек волновался за жизнь Посланника Богини!

Впрочем, раздумывать об этой странности у Найла времени не было.

Он еще раз нырнул и, пропитываясь влажной прохладой, сделал несколько жадных глотков. Скорее инстинктивно, нежели из предусмотрительности, сломал толстую жесткую тростину: такие крупные – редкость даже близ богатого жизнью оазиса Диры. Потом выбрался на берег, в последний раз оглянулся на бивуак захватчиков и побежал вверх по течению.

Вдалеке послышалось улюлюканье, и Посланник Богини ускорил бег.

Рожденный в пустыне, он прекрасно знал, что свобода здесь отнюдь не равнозначна жизни. И хотя сейчас он еще не избавился от ужаса близкой смерти, словно парализовавшей его мозг, он недоумевал от столь сокрушительного поражения, он еще дрожал в ярости, вспоминая допросы восьмипалого переводчика, – так что бежал Найл по мелководью по сути в неразумном состоянии, – однако под поверхностным слоем мышления продолжал работу другой, менее доступный сознательному контролю. Именно он заставил Найла вначале отломать длинный кусок трубчатого тростника, а затем подобрать на мелководье и сунуть за пазуху пару коричневых камней.

Часа через два река повернула налево, к горам. Посланник Богини вошел в воду, сел и долго, торопливо пил, до краев наполняя единственный имеющийся сосуд – собственный желудок. Потом тяжело встал, повернулся спиной к вершинам Северного Хайбада и стал медленно подниматься на первую из тысяч и тысяч дюн, которые предстояло одолеть на долгом пути домой.

* * *

Пески, пески, пески... Жаркое солнце давно высушило тунику и волосы, безжалостно припекало голову и плечи. По бокам его стекали длинные струйки пота. Каждые пять-десять минут Найл оборачивался, сверяя направление по снежным пикам, и продолжал размеренно подниматься на сыпучие склоны барханов и спускаться в душные впадины. Он облизывал пересыхающие губы, поглаживал быстро обгорающие на солнце плечи, а в голове все крутилось

одно и то же: как, как, как, как такое могло случиться? Как могла кучка вонючих, безмозглых дикарей разгромить великолепную армию высокоразвитой цивилизации? И что будет теперь с его привычным миром? С его городом – этим огромным живым существом, одновременно и могучим, и беззащитным, как ребенок? Что будет с миссией, возложенной на него Великой Богиней Дельты? С людьми, пауками, с жуками, наконец? Неужели захватчики придут и туда – придут и переварят все с жадной безмозглостью головонога: изнасилуют женщин, разыграют на пари жизни мужчин, сожрут запасы пищи, выпьют все вино, растащат все вещи, какие только сумеют найти. А потом вкопают на площади столб, изображающий паука с человеческим лицом. И город станет напоминать сундук, в который забралась оголодавшая крыса. Внешне нормальный, а внутри – все испоганено.

Отрезвил его осторожный шорох. Найл замер и, пригнувшись, прислушался. Рука нащупала за пазухой камни. Два булыжника – вот и все оружие против клыкастого, шипастого, ядовитого мира пустыни. Никогда еще Посланник Богини не чувствовал себя столь нагим и беззащитным.

Тихое шуршание не прекращалось. Найл извлек один из камней, взвесил в руке. Медленно двинулся к гребню бархана, готовый в любой момент дать отпор неведомому врагу, с каждым шагом все ниже пригибаясь к земле, пока внезапно не выпрямился на вершине.

За дюной никого не оказалось, но тренированный взгляд охотника без труда опознал на склоне характерную извилистую волну – ящерица закопалась в песок. Сколько он таких в детстве переловил, не счесть. Запеченные в золе, исходящие ароматным паром... Рот у правителя паучьего города мигом наполнился слюной. Будь у него огонь... Но чего нет, того нет.

Найл сунул камень обратно, сверился с горными пиками и отправился дальше, стараясь внимательнее смотреть под ноги. Появился легкий озноб – солнце давно село, и теперь пустыня быстро остывала. Посланник Богини поежился и попытался ускорить шаг, однако ноги безнадежно вязли в еще горячем сыпучем песке. Впрочем, куда спешить? Мир погиб...

Ночью в пустыне безопасно, ее холоднокровные обитатели спят; главное – не наступить на какую-нибудь ядовитую тварь. Или того хуже – не провалиться в нору. Но Посланник Богини еще не настолько утерял усвоенные в детстве навыки, чтобы попасться так глупо.

Шаг за шагом, бархан за барханом.

Гребни дюн начали поблескивать в холодном свете звезд. Иней – первый признак наступления дня. Найл начал внимательнее приглядываться к впадинам между песчаными холмами. Увы, никаких признаков растительности. Ни неприхотливых макушек, ни вездесущих верблюжьих колючек, ни, тем более, влажных чашек уару. Нет кустарников – значит, днем нет и тени. Скверно. Да еще вдобавок при сильном ветре не скрепленные корнями пески поползут и вполне смогут засыпать незадачливого путешественника.

Однако выбора не было – с первыми лучами солнца промерзший насквозь Посланник Богини спустился в одну из впадин и вырыл в холодном податливом песке длинную неглубокую яму. Потратил он на работу минут пять, не больше, но мир вокруг успел перемениться: исчез серебристый иней, сверху потекли, приятно согревая тело, потоки тепла.

Найл не обманулся – он слишком хорошо знал, сколь быстро тает эта ласкающая тело граница ночи и дня, а потому поспешил забраться в яму, дабы подольше хранить ощущение прохлады.

Невдалеке зашуршало. В нескольких шагах из залитого ярким солнцем песка вынырнула, точно из воды, черноголовая змея и быстро заструилась вверх по склону – подальше от слишком крупного соседа. Закон пустыни: большие едят маленьких, сильные – слабых. Зачем рисковать зря?

Посланник Богини проводил Черноголовку взглядом, потом присыпал ноги и туловище, откинул голову и закрыл глаза...

* * *

...Дробный топот... Широкие наконечники копий, усеянные мелкими зубчиками... Вопль боли... Кровавый дождь из паучьих и человеческих тел... Крики насилуемых женщин... – А-а-а! – Найл судорожно дернулся, вскинул голову...

Нет, все в порядке. Кругом барханы; над головой – голубое, в редких облачках, небо; кожу ласкает ленивый ветерок. Вокруг спокойно и безопасно.

Но стоило подкрасться дреме, как шею опять захватила жесткая петля, а в мозгу зазвучал веселый голос Тройлека: «У вас некому защищать город! Славный у тебя дворец, я поселюсь именно в нем! Ты вспомнил смазливую девицу – думаю, она приглянется нашему князю. Ну, выбирай карту! Твоя жизнь не стоит поставленных мною золотых монет!»

* * *

Посланник Богини судорожно вырывался из объятий кошмара, засыпал снова – и вновь терял равновесие, петля сжимала горло, а дикари радостно гоготали, глядя на его предсмертные судороги. Сбитый арбалетной стрелой, он падал с головокружительной высоты, его втаптывала в грязь лавина всадников...

Очнувшись в очередной раз, Найл решительно сел, затряс головой, разгоняя остатки дремы. Отдыха при таких сновидениях все равно не будет.

Солнце стояло в зените, грозя запечь человека живьем; над гребнем бархана дрожало горячее марево. Рискую обрушить сыпучий склон, правитель углубил свою яму, почти превратив ее в нору. Теперь у него был крохотный уголок тени, да и песок в глубине не столь горяч. Во рту пересохло, но жажда еще не мучила – сказывалось купание перед дорогой.

Вот только непрощенные воспоминания продолжали лезть в голову...

Пытаясь отвлечься, Найл достал из-за пазухи камни, положил перед собой. Два куска кремня – один почти круглый, другой плоский и продолговатый. Посланник Богини, правитель города пауков, уже больше года живший в роскоши, за годы детства настолько впитал в кровь понятие о кремне как о величайшей ценности, что, увидев его в реке, инстинктивно прихватил с собой. И правильно сделал. Скорпионы и гигантская саранча, голубые стрекозы и сколопендры, тарантулы и сороконожки – каждый готов подкрепить свои силы сладким человеческим мясом. Без оружия в пустыне нельзя. А на волю его отпустили, естественно, с пустыми руками. Спасибо, хоть развязали.

Найл взял плоский камень, внимательно осмотрел.

Когда-то, вечность назад, сидя в полутемной пещере, доставшейся им от жука-скакуна, отец объяснял ему, как проходят прожилки, как наслаиваются пластины. Отец клал бесформенный кремень на пол, приставлял обрубок кости шакала, нажимал – и с камня соскальзывали тончайшие листочки, похожие на креозотовые, но твердые, с острой гранью. Пластинки с легким шорохом падали вниз, а под мозолистыми отцовскими ладонями рождался граненый топор, острый наконечник копья или скребок для шкур. Каменные листики тоже не пропадали – их один за другим вставляли в узкий прорез на длинной палке, проклеивая костным отваром, и получалось грубое подобие меча, которым можно развалить пополам некрупную сороконожку или разрубить панцирь цикады, нанеся пусть не смертельную, но весьма болезненную рану; можно зачистить крупный земляной корень, настрогать сочную стружку...

Рот наполнился слюной. Найл сглотнул и стал приглядываться к прожилкам, пытаясь угадать направление слоев. Камень казался совершенно однородным. И почему он тогда не слушал отца? Все увиливал, рвался из спертго воздуха пещеры на поверхность – поиграть на

свежем ветерке, забраться в кустарник, разрезать терпкий плод опунции... Надеялся научиться потом, со временем. Теперь приходилось действовать наудачу.

Левой рукой правитель прижал продолговатый камень к колену, а круглым ударил по касательной. С легким хрустом отскочил осколок, обнажив свежую сверкающую грань. Найл облизнулся, развернул обрабатываемый камень и снова ударил, метя поближе к краю. У него получилась острая грань с мизинец длиной. Правитель решил сделать небольшой перерыв, достал обломок тростника и аккуратно подрезал его с обоих концов. Скол строгал легко, как лезвие хорошо отточенного ножа.

– Ну что ж, не будем останавливаться на достигнутом, – объявил Посланник Богини и решительно нанес два коротких удара. Получилось! Сходясь с первой, вторая грань образовала острое жало.

Теперь следовало обстучать обе стороны, заточив камень хотя бы до середины, потом выкопать куст макушки, сделать веревку, найти подходящее деревце, срубить, зачистить ствол, примотать наконечник – и в руках у него будет настоящее копье!

Увы, не было кустов, не было деревьев, что же до «заточки» камня – Найл не раз видел, как почти готовое изделие раскалывалось от одного-единственного неудачного удара, и не хотел рисковать.

Вот отец – тот мог неторопливым «отслаиванием» придать камню любую форму... Но мастерство его развеяно над песками вместе с прахом и уже никогда не перейдет к сыновьям.

Посланник Богини попробовал острие пальцем, удовлетворенно кивнул, выглянул из ямы.

Солнце стояло слишком высоко, чтобы покидать укрытие.

«Кстати, а куда мне идти?» – впервые задумался Найл.

Продолжая двигаться спиной к вершинам Северного Хайбада, он дней за шесть выйдет к излучине реки несколько выше города. А если повернуть к морю, то за три дня без труда доберется до кораблей, ожидающих смертоносцев с пленниками.

Знают ли они о поражении? Должны знать. Ведь с поля битвы ушли по стене не меньше трех сотен пауков, еще больше спаслись под прикрытием жуков-бомбардиров. Пока Найл пребывал в плену, хотя бы часть из них наверняка добралась до кораблей. Значит, флот отплыл – кого им теперь ждать?

В голову опять полезли мысли о разгроме, и правитель решил отправляться дальше немедленно, не дожидаясь сумерек. Все лучше, чем бороться с болезненными воспоминаниями.

Под палящими лучами сразу захотелось пить, пересохло во рту, однако Найл знал, что до обезвоживания далеко и, по крайней мере, сутки он еще выдержит. Однако жара быстро иссушала тело, и, когда ночная прохлада опустилась на землю, мысль о глотке воды полностью вытеснила все остальные.

Коренной житель пустыни, правитель знал множество способов добыть влагу практически из ничего – из сухого кустарника, из камней, из сыроватого песка, но все они требовали длительной остановки. Позволить себе этого Посланник Богини не мог.

В сотне шагов впереди шустро промчалась крупная ящерица – Найл юркнул во впадину между барханов и затаился. Ему совсем не улыбалось попасться на глаза хищнику, гнавшемуся за вкусным зверьком – просто так по ночам никто не бегают. От холода тело покрылось крупными мурашками, но человек выжидал не меньше часа, прежде чем позволил себе покрутить руками, разгоняя кровь, сделать десяток быстрых приседаний и двинуться дальше.

Он нашел следы ящерицы, а параллельно им – полоску серповидных штрихов. Похоже на паука-верблюда, да вот только не охотятся они под звездами. Мерзнут. Правитель махнул рукой на очередную загадку пустыни и двинулся своей дорогой.

Когда вершины самых высоких барханов начали поблескивать, Найл обратил внимание, что слева появились над линией горизонта овалы выступы. Он повернул, невольно ускорив шаг, и часом позже вышел к целой гряде высоких опунций.

Внимательно оглядев крайний кактус шагов с десяти, правитель подкрался ближе, быстро сбил нависающий над головой крупный плод, поймал его в воздухе и почти бегом помчался обратно в пески.

Небо на востоке начало светлеть. Посланник Богини выбрал меж дюн выемку поглубже, спустился туда, вырыл ямку. Потом достал недоделанный наконечник для копья, разрезал толстую кожуру похожего на гигантский огурец плода опунции, снял широкий лоскут, вонзил пальцы в хрусткую плоть и отправил в рот крупный шмат чуть горьковатой, брызжущей соком мякоти. Особо сытной опунция никогда не была, приятным вкусом тоже не отличалась, но зато исхитрялась оставаться сочной даже в самых безжизненных песках.

Интересно, захватчики тоже будут проходить здесь?

Найл затряс головой – так и с ума сойти недолго! От надоедливых мыслей нужно избавляться... Посланник Богини отодвинул недоеденный плод, взял в руки камень и нежно обнял ладонями.

Итак, внутри камня должны быть какие-нибудь прожилки...

Найл закрыл глаза. Он сосредоточил все внимание между ладоней, пытаясь почувствовать существо камня, его структуру, его мысли и желания. Постепенно сознание сместилось, остыло. Под шероховатой коркой Посланник Богини ощутил стеклянную прозрачность кремня, его миллионнолетнее спокойствие, хрупкость и... вечность. Никаких прожилок внутри не нашлось, но это уже не имело никакого значения: обретя полный покой сознания, Найл впервые за последние дни смог отрезать себя от внешнего мира и глубоко, без сновидений, заснул.

* * *

Разбудило его бодрое, жизнерадостное жужжание: четыре мелкие – с ладонь – желтые мухи обнаружили вскрытый плод опунции и, расталкивая друг друга, накинулись на сочное лакомство. Вскоре к ним добавились еще две, потом еще.

Посланник Богини покосился на солнце – похоже, полдень уже миновал – и поднялся на ноги. Мухи сами по себе безопасны, но когда собираются в крупный рой, всегда найдутся несколько, рискнувших попробовать «на язык» человека. А слюна их вызывает сильные ожоги. К тому же их жужжание может привлечь более крупных обитателей барханов.

Увидев поднявшегося из песка человека, мелкие крылатые существа дружно взмыли в воздух, но уже через секунду снова накинулись на добычу.

– Ладно, жрите, – беззлобно разрешил правитель. – Я себе другой собью.

Опунции лоснились жирной, насыщенной зеленью. Подойдя поближе, правитель города долго присматривался к зарослям, но никакой живности не заметил.

Странно, конечно. Вокруг таких вот оазисов обычно собирается немало зверья. Тут ведь и прохладная тень, и мякоть плодов для тех, кто способен прогрызть толстую кожуру кактусов, и объедки для тех, кто зубами не разжился; тут и крупные хищники, готовые слопать и первых и вторых. Почему же никого не видно?

Хотя какая разница? Ему тут не жить. Подходящий плод Посланник Богини приметил издали: тот висел довольно высоко, но зато размером вымахал с человеческую ляжку. Найл достал из-за пазухи круглый камень, прицелился, кинул. Мимо. Правитель подобрал камень и кинул снова. Опять мимо. Третий бросок пришелся в цель: кактусовый «огурец» дернулся вверх, отломился у основания и рухнул к ногам путника. Только после этого Найл перестал

смотреть вверх, опустил взгляд – и в пяти шагах прямо перед собой обнаружил сколопендру, словно собранную из огромных светло-серых шариков.

Грозная тварь, остановить которую способен разве что яд черного скорпиона, метнулась вперед. Посланник Богини подпрыгнул не хуже кузнечика.

Длинные, полукруглые коричневые жвалы щелкнули в воздухе, но твердый покатый лоб ударил человека по ногам, и Найл, вскрикнув от боли, закувыркался по песку. Сколопендра быстро стянулась, будто сложились пополам, и резко выпрямилась – правитель еле успел вскочить на ноги и шарахнуться в сторону, уходя от очередной атаки. Рядом медленно завалилась набок подрезанная жвалами опунция. Найл откатился в сторону, вскочил, увидел прямо перед собой бок жирной твари, без колебаний ударил заточенным камнем – из длинного пореза заструилась зеленоватая жидкость – и задал стрекача, виляя между кактусов. С тихим злоеющим шелестом сколопендра семенила следом, быстро нагоняя.

Посланник Богини издал громкий предсмертный вопль, развернулся и в отчаянии наугад ударил камнем. Правая жвала сколопендры на удивление легко переломилась почти посередине, но лоб гигантской многоножки с такой силой ударил Найла в грудь, что у того перехватило дыхание, и он отлетел шагов на десять, ломая шипы ближних кактусов. Сколопендра снова сложились пополам и молниеносно метнулась вперед, распахнув влажную пасть. Едва успев встать на колено, Найл перехватил свой так и недоделанный «наконечник» двумя руками и со всех сил ударил тварь в бронированный лоб.

Камень вошел почти наполовину. Сколопендра дернула головой, вырвав из рук Посланника Богини последнее оружие, и опять сложились пополам.

Найл закрыл глаза, готовясь принять смерть.

На этот раз ему даже не было страшно. Только какое-то тоскливое разочарование в душе: «Ну вот и все...»

Однако смерть медлила.

Посланник Богини осторожно приоткрыл глаза: многоногая хищная тварь в последний момент решила-таки, что забредшая «дичь» для обеда слишком клыкаста, и теперь торопливо улепетывала. Найл без сил опустил на песок и надолго замер.

Насилу отдышавшись, правитель города не без труда поднялся. Спину саднило. Известно, что творилось там, а на правой руке красовались штук пять глубоких ссадин от шипов кактуса. Кровь под жарким солнцем запеклась почти мгновенно, и туника намертво присохла к телу. Найл подобрал обломок жвала; прихрамывая на обе ноги, добрал до сбитого плода, взял его под мышку и поспешно заковылял прочь.

Ближе к вечеру барханы измельчали, и закат Посланник Богини встретил на краю каменистой равнины, усыпанной мелкими соляными кристалликами. Здесь путник подкрепил силы, последний раз взглянул на вершины Хайбада, уже еле виднеющиеся над горизонтом, выбрал хорошо заметную звезду, на которую нужно держать направление, и отправился дальше.

Идти по равнине стало заметно легче, Найл почти не уставал. Вот только никакого укрытия на день было не вырыть. Поутру правитель только стиснул зубы и продолжал переставлять ноги, шаг за шагом приближаясь к дому.

Когда дорогу снова начали пересекать полосы песка, Найл обрадовался им, как родным, и даже устроил праздник – доел опунцию, после чего понял, что встать уже не сможет. По счастью, судьба сжалилась над путником и послала на небо облака. Не будь их – к вечеру Посланник Богини превратился бы в мумию.

На этот раз путника разбудил холод. Негромко ругаясь, он встал и направился дальше, следуя за примеченной вчера путеводной звездой. Во рту снова пересохло, на зубах скрипел песок, но больше всего теперь мучил голод. Одна надежда, что хоть полдороги осталось позади.

Спустя несколько часов Найл уже опять брел через вязкие барханы, едва волооча ноги. Когда-то дед утверждал, что это самый экономичный способ движения. Сейчас правитель просто не мог идти иначе. Холодный ветер, колющий свет звезд и хватающий за ноги песок. Шаг за шагом, шаг за шагом. Найл уже давно пребывал в полной прострации, и ползучие стебли репурки заметил не столько он, сколько его пустой желудок.

Путник сбежал с бархана вниз – откуда только силы взялись? – упал на колени, выдернул обломок жвалы и принялся лихорадочно рыть песок.

Клубни репурки вырастают размером со взрослого человека, а по вкусу больше всего напоминают мокрые опилки с яблочным запахом; от них пучит живот и надолго привязывается отрыжка, но это настоящая еда! Отец и дед, помнится, шинковали ослепительно-белую сердцевину на мелкие ломтики, толкли, а потом надолго замачивали в кувшине, употребляя настой в минуты хорошего настроения, а осадок выбрасывали, но в голодные дни не раз только строганина из этих корней позволяла всей семье дожить до лучших времен.

Впервые за последние дни правитель испытал чувство сытости. Возможно, подобная слабость и не украшает Посланника Богини, но он решил позволить себе небольшой отдых. Тростниковую трубку Найл вертикально закопал в чуть влажный песок рядом с корнеплодом – так, чтобы кончик трубки, заткнутый мелко порванным листом репурки, выступал наружу, – а сам зарылся рядом, в тени четырех близко растущих макушек.

Тростниковая трубка порою является единственным способом утолить жажду в пустыне: из едва влажного песка с ее помощью удастся высосать два-три глотка воды за раз. Спустя полчаса – еще несколько глотков. Только житель песков способен понять, какое это сокровище. Глоток за глотком Найл набирался сил; время от времени он перекусывал. Он опускал голову в яму и отгрызал кусочки жесткой сердцевины репурки.

Пока у человека есть вода и пища, ему не страшны ни жара, ни холод, и Найл чувствовал себя почти счастливым. К вечеру он успокоился настолько, что уже смог достаточно уверенно управлять сознанием.

Под палящими лучами Посланник Богини сел на песок, положил руки на колени ладонями вверх и закрыл глаза.

Небольшой энергетический клубок, таящийся в области живота, казался серым и блеклым. Найл принялся осторожно раскручивать его, вытягивая энергию, похожую на суровую нить, в правую ладонь, перебрасывал ее в левую под насыщенными солнечными лучами и втягивал обратно. Постепенно энергия очищалась, приобретая естественный, серебристый цвет. И тогда Посланник Богини стал как бы «распущать» клубок, превращая энергию тела в энергию сознания, выращивая переливающийся всеми цветами радуги шарик, увеличивая его сперва до размеров небольшого кролика, потом вырастив величиной с цикаду и, наконец, сделав огромным, как буро-брюхий паук-бык.

Дав получившейся сфере немного «устояться», Найл внезапно сжал ее, послав на восток тончайшую, искрящуюся иглу крика.

«Ответь, Смертоносец-Повелитель!» – Тишина.

Странно все-таки: пауки способны услышать мысли друг друга на расстоянии десяти-двенадцати переходов, но не замечают мольбы о помощи высыхающего рядом дерева. Найл чувствует малейшие колебания и напряжения целого города, но не может разговаривать со смертоносцем, если тот отошел дальше чем на сотню шагов. Что это? Исконно заложенная в восьмилпых глухота к чужакам? Или пауки ощущают совершенно другие эманации? Впрочем, не важно. Просто, будь сейчас рядом с ним паук, правитель без труда договорился бы о помощи, а так приходится рассчитывать только на себя.

Попытка связаться со Смертоносцем-Повелителем отняла много сил. Хотя внешне Найл всего лишь спокойно сидел, на самом деле он выложил полностью и теперь с трудом преодо-

лел пару шагов до зарытой тростниковой трубки, сделал глоток тепловатой воды и наклонился над ямой с репуркой.

Ему удалось откусить и прожевать пару кусочков, когда он услышал шумное шуршание осыпающегося песка. Найл поднял голову и, несмотря на жару, покрылся крупными холодными мурашками.

Повелителю пустыни нечего скрываться – спускаясь с бархана, широко раскидывал лапами песок черный скорпион. Изогнутый хвост грозно покачивался высоко над спиной, как недвусмысленное напоминание всем и вся о неминуемой каре за неповиновение, а две клешни, каждая размером с туловище взрослого человека, нетерпеливо раскрывались и закрывались.

Найл мгновенно вспомнил давнишнюю историю – как они с отцом и братом отбивали сестренку у обычного, серого скорпиона. Их было трое – при копьях, ножах и факелах, и тем не менее Вайг получил тяжелую рану, а шестилапый благополучно ушел, хорошо хоть Мару бросил.

Сейчас к правителю приближалось чудовище почти вчетверо крупнее.

Повелитель пустыни по-хозяйски протянул к человеку раскрытую клешню – словно за куском праздничного пирога. Найл отступил, ткнув в хитиновый «захват» обломком жвалы – а что еще оставалось делать? Скорпион жвалу прихватил и, затормозив, сунул в пасть.

Посланник Богини стоял и покорно ждал. Бежать бесполезно – все равно догонит. Отбиваться нечем. Воистину пирожок для скорпиона: мяконецкий, на солнце поджарившийся. И никуда ведь не денешься...

По телу расплзлась предательская слабость. Глядя на неторопливо шевелящего хелицепами черного скорпиона, Найл опустил на колени. До чего глупо – закончить жизнь в брюхе безмозглой твари!

«А может, он сытый?» – со слабой надеждой подумал правитель и осторожно коснулся мыслей черного монстра.

Больше всего сознание скорпиона напоминало пускающий слюнки рот: что-то прожевывается сейчас, а кое-что еще лежит рядом; проглочу одно, займусь другим. Найл даже разглядел себя со стороны, как нечто аппетитно пахнущее и прохладное.

Наверное, пусть Посланник Богини наутек, повелитель пустыни уже нагнал бы его и разорвал, но сейчас шестилапый не торопился... «Удирает!»

Черный скорпион сорвался с места и рванул в погоню. Шагов через двести он замедлил ход, а потом и вовсе остановился, закрутившись в недоумении.

Найл с улыбкой наблюдал за действиями могучего чудовища. Надо же так запросто купиться! Самый глупый из «неголосующих граждан» и то заподозрил бы неладное.

Черный скорпион неторопливо затрусил обратно. На этот раз он хорошо чувствовал местоположение человека и твердо держал направление. Найл лишь немного усилил его ощущения, и... повелитель пустыни остановился шагах в пяти и начал яростно резать клешнями воздух. В конце концов даже до куцых мозгов скорпиона стало доходить, что тут что-то не так. Монстр замер, принялся... и с такой яростью ударил ядовитым жалом песок, что несколько песчинок долетело до Посланника Богини.

Найл поморщился и снова хлестнул скорпиона коротким: «Убегает!» Шестилапый молнией взметнулся на бархан и замер, медленно шевеля клешнями.

Правитель города расхохотался. Он подумал было соткать громадному хищнику еще более крупного мысленного врага, но пожалел тратить время на бесполезное баловство. Просто поманил неясным силуэтом – и безмозглый властитель песков шустро умчался вдаль.

Посланник Богини подкрепился в последний раз, засыпал яму песком – репурка рану залечит, – сделал последний глоток из тростинки, выдернул ее, сунул за пазуху; бросил прощальный взгляд на приютивший его оазис из пяти травяных кочек и пустился в дальнейший путь.

Часа через два за ним увязался маленький – по колено – серый скорпиончик, долго плелся следом, но напасть на слишком крупную дичь не решился и, когда спустилась ночь, отстал сам.

Песок под ногами постепенно становился плотнее. Все чаще попадались кустики макушек. Шесть раз встретились мясистые чашечки уару. Около каждой Найл благоговейно опускался на колени и отпивал половину чистейшей, прозрачной воды, собранной между лепестками, – если выпить всю, растение может погибнуть. Однажды сбоку выполз вялый от холода и до безумия голодный тощий клоп. Правитель не поленился свернуть и затоптать тварь – для спящего человека они смертельно опасны.

Теперь Найл шел не останавливаясь, пока не стало невозможно жарко, потом вырыл глубокую нору под густо заросшим макушками склоном дюны и спокойно заснул, впервые не боясь, что песчаный склон может осесть и погрести его под собой.

Днем спящим путником никто не заинтересовался, и по вечерней прохладе он благополучно отправился дальше.

Поляны макушек начали перемежаться кактусовыми зарослями. В середине ночи Найл наткнулся на несколько опунций и подкрепил силы десятком мелких, с кулак, плодов. Дважды спугнул небольших змей.

Трава сплошь покрывала землю, и сквозь густо переплетенный ковер стеблей приходилось буквально продирается. Однако Найл не унывал – все это было явными признаками близости большой воды. Ни вокруг оазисов, ни над руслами подземных ручьев таких зарослей не бывает. А когда в утренних лучах он увидел над горизонтом характерный – крупное тело, длинный тонкий хвост – силуэт стрекозы, то решил не останавливаться.

Вскоре между кактусовыми зарослями стали встречаться чахлые молоденькие деревца, изредка – огромные патриархи растительного мира в несколько обхватов толщиной. В небе барражировали голубые стрекозы. Две из них долго висели над человеком, и Найл уже начал всерьез опасаться за свою голову – именно ее откусывает в первую очередь атакующая хищница, – но в конце концов одна из крылатых бестий выхватила у него почти из-под ног змею, другая же, почти одновременно, сцапала клопа. И за то, и за другое – спасибо.

Около полудня правитель наткнулся на низкий пенёк – значит, жилье действительно рядом! Но лишь далеко за полдень Найл увидел узенькую тропинку.

Дошел!

Сразу навалилась безмерная усталость, однако Посланник Богини не остановился.

Тропа становилась все более торной; впереди замаячила густо-зеленая полоса, которая, по мере приближения, разделялась на заросли высокого кустарника, отдельно стоящие деревья с округлыми, ухоженными кронами и поля, покрытые густой ботвой.

Наконец правитель вошел в тень между стенами акации, и этот проход вывел его к длинной низкой хижине из плетеных щитов.

Откинув плотный полог, правитель вошел внутрь.

Дом этот, скорее, смахивал на барак: крыша сработана достаточно плотной, но вот стены просвечивают насквозь; из обстановки только дюжина матов, ровными рядами лежащих на полу, на каждом – мягкая шкура листорезки.

В дальней стене Найл увидел еще один полог, дошел до него. За темной тканью обнаружилась небольшая комнатка с одним широким матом, заваленным десятком шкур, и двумя высокими, плотно закрытыми корзинами. Стенки в этом закутке оказались куда качественнее, а вот людей тоже не нашлось.

Хозяйку Найл встретил на улице, уже выходя из-под крыши. Надсмотрщица достигла того возраста, когда приближалась пора задумываться об отправлении в Счастливей Край, но оставалась еще крепкой, широкоплечей, без единой морщинки на лице. Туника ее была сделана из одного куска светло-серого холста с отверстием посередине для головы; довершали

наряд широкий ремень из змеиной кожи, плотно прижимающий ткань к телу, да шерстяная ленточка, перехватывающая длинные волосы.

– Ты кто? – не смогла скрыть удивления женщина.

– Посланник Богини, – ответил Найл, – и мне срочно нужно в город.

– Да ты же на ногах не стоишь! – Женщина окинула его оценивающим взглядом. – Тебе нужно отдохнуть.

Она не поверила пришельцу ни на йоту. Правитель ясно видел ее нехитрые мысли: «Молодой, крепкий. Правда, нужно, дать немного отлежаться, но потом станет хорошим работником. Двое недавно заболели, пришлось отдать паукам на лечение. Вот и будет хоть один на смену. Надо налить ему вина, пусть взбодрится. А то ведь того и гляди свалится. Подлечу, приласкаю... Оклемается. Интересно, какая дура довела его до такого состояния? Ладно, раз он от нее сбежал – сама виновата».

Думала женщина не столько словами, сколько образами, эмоциями, но правитель имел уже немалый опыт и понимал надсмотрщицу без труда.

– Пойдем. – Она повернулась и вошла в дом.

Найл направился следом. Мысленно он согласился с идеей насчет вина и решил пока на своем не настаивать.

«Посланником Богини он хитро придумал назваться, – продолжала прикидывать надсмотрщица. – Спорить не буду, просто отнесусь мягче. Когда ему тут понравится, признается сам».

– Э-э, нет, – не выдержал Найл. – Мне действительно нужно в город. Позови ближайшего из смертоносцев. Я – Посланник Богини!

Надсмотрщица промолчала, но подобная настойчивость ее несколько обеспокоила. Если приبلудный работник «со странностями», лучше не тратьте вина понапрасну, а сразу отдать его смертоносцам.

– Отдать смертоносцам меня действительно нужно, – посоветовал Найл, – а вот стаканчик вина все равно налей. Я очень устал.

Женщина испуганно оглянулась.

– Да, я действительно читаю твои мысли, – подтвердил правитель. – Я – Посланник Богини. Пойми это наконец!

Надсмотрщица не поверила. Но решила все-таки послать одного из работников на дорогу, туда, где всегда сидел сумрачный, недвижимый смертоносец. Да и вина можно налить – от стаканчика не убудет. Вдруг и вправду пауки заинтересуются этим бродяжкой? Тогда она попытается выпросить нескольких мужчин. Хотя бы четырех.

– Боюсь, тебе очень долго придется рассчитывать только на свои силы, – сказал ей Найл. Женщина обеспокоено оглянулась, но опять промолчала.

Между тем они вошли в ее комнату. Надсмотрщица достала из одной корзины кувшин, из другой – глиняную кружку, налила до краев темно-красного вина, протянула Найлу.

– Вот... – Она замялась, не зная, как обращаться к странному гостю. – Выпей...

Вино было очень ароматным, терпким и чуть сладким. А женщина продолжала мучиться, не представляя себе ни того, как поступить со свалившимся на голову пришельцем, ни того, как с ним обращаться. Наконец ее осенило – парень в таком состоянии, что от двух кружек вина просто свалится. Пусть поспит, пока явится смертоносец.

– Тебе понравилось? – заботливо спросила она. – Выпей еще.

«А почему бы и не поспать, пока все разрешится?» – подумал Найл, в голове которого уже кружил приятный туман. Он благодарно улыбнулся и протянул кружку...

* * *

– Вставай, вставай! – Надсмотрщица трясла Найла за плечо, и смятение в ее мыслях разогнало сон правителя куда действеннее слов.

– Что случилось?

– Смертоносцев нет!

Посланник Богини понял, что, когда смертоносца на привычном месте не оказалось, надсмотрщица послала по работнику вверх и вниз по дороге, но они тоже никого не нашли. Пауков не было нигде! Ни одного! В сознании женщины рухнул мир...

– Я же предупреждал, что в ближайшее время тебе придется рассчитывать только на себя... – Найл уселся на мате.

Смертоносец-Повелитель собрал огромную армию, в которую явились все, кто мог без существенных последствий покинуть привычный пост. Какая работа у смертоносца на полях? Символизировать власть да иногда «лечить» заболевших селян. Со всем остальным справлялись надсмотрщицы. Так что почти все местные пауки наверняка полегли у плато в пустыне.

– Покажи, как выйти на дорогу, – решительно встал правитель. – Придется выбираться самому.

Немного поколебавшись, надсмотрщица решила проводить гостя лично и пошла вперед.

На улице занимался рассвет. Зелень сверкала каплями росы. Обволакивающе пахло жасмином. Внезапно у Найла возникло болезненно резкое ощущение, что все это он видит в последний раз. Правитель остановился, провел ладонью по мокрому листу сливы. Слизнул капельки росы.

Надсмотрщица оглянулась.

– Не надейся, что тебе пришлют еще людей, – сказал ей Посланник Богини. – Не рассчитывай, что пауки скоро вернуться. Рассчитывай только на себя.

«Но что же случилось?!» – недоумевала женщина.

– Мир рушится, – ответил Найл, обогнул ее и направился дальше.

Желтая накатанная грунтовка обнаружилась примерно через час. Правитель повернул в сторону города, пошел широким привычным шагом. Навстречу двигалась молоденькая охранница, показавшаяся до странного знакомой. Найл оглянулся ей вслед, девушка обернулась тоже...

– Он здесь! – Она кинулась к правителю и упала перед ним на колени.

– Что? – не понял Найл. – Кто ты?

– Юккула, ваша стражница.

– Но откуда ты?

– Смертоносец-Повелитель вчера сообщил Нефтис, что вы живы, что вы должны быть где-то здесь. Она собрала всех нас и расставила на дороге.

– Значит, он все-таки услышал меня, – пробормотал правитель. – Но почему тогда не ответил?

Подбежали еще несколько девушек, упали на колени. Следом примчалась Нефтис, растолкала всех и порывисто сжала Найла в объятиях:

– Мой господин! Вы вернулись! – Тут она испуганно отшатнулась: – Вы ранены?!

– Да нет, ерунда...

Но начальница стражи не слушала:

– Вы весь в крови... Рука... – Она оглянулась. – Где повозка?! Ленивые клопы! Бегом сюда!

Громко шлепая босыми ногами по влажной земле, примчались гужевые с коляской. Найл залез в нее, откинулся на мягкую спинку сиденья и только после этого понял, как устал...

- Вы сражались, мой господин? – запрыгнула в коляску Нефтис. – Вы ранены?
- Перестань, – отмахнулся правитель, – просто о кактус поцарапался.
- Но столько кро...
- Хватит! – повысил голос Найл. – Лучше расскажи, что тут без меня происходило.
- Да, в общем-то, ничего...

Правитель чувствовал, как беспокойство за любимого господина продолжает захлестывать девушку, но она взяла себя в руки и заговорила спокойным тоном:

– Дней пять назад вернулись корабли. На них приплыло очень мало пауков. Я надеялась вас встретить, мой господин, но... – начальница стражи чуть не всхлипнула, – но мне сказали, что вы погибли... Я не поверила... Приходила принцесса Мерлью, говорила, что хочет утешить. Но она явно хотела чего-то другого, и я ее прогнала. Я правильно сделала, мой господин?

– Правильно, – кивнул Найл.

Услышав о смерти Посланника Богини, дочь Коззака опять решила прибрать к рукам власть над городом, но две предыдущие неудачи приучили ее к осторожности. Что ж, придется разочаровать красавицу в третий раз.

– Она еще дважды приходила, – в голосе Нефтис зазвучало злорадство, – о ваших последних поручениях спрашивала, какие-то записи хотела найти. Я ее выгнала...

Найл задумчиво кивнул.

Интересно, какие записи рассчитывала обнаружить принцесса? Неужто решила, что он завещание написал? Или думает, будто, подобно ей самой, он тоже учился по книгам и хочет их найти, чтобы прибрать под шумок? До знаний Мерлью жадна не в меру. Даже Симеону до нее далеко.

– ...Потом, позавчера, – продолжала девушка, – пришла стражница от Смертоносца-Повелителя и передала, что вы, может быть, живы и вскоре окажетесь на излучине, в полях. Я собрала всех стражниц и привела сюда...

– Ты у меня молодчина, Нефтис, – искренне признал Посланник Богини.

Начальница стражи залилась краской. Найл ощутил, как ее окатывает волна благодарной верноподданнической любви. Впрочем, и любви плотской в ее чувствах тоже присутствовало немало.

Дорога неторопливо петляла меж цветущих садов и широких полей, часть которых колосилась спелой пшеницей, часть только-только покрывалась молоденькими ростками. Убегающие в разные стороны тропинки скрывались меж высокими стенами акаций, кое-где виднелись бараки из плетеных щитов; иногда, по правую руку, проблескивала сквозь густую зелень река.

Довольно долго правитель с удовольствием наблюдал за картиной царящего вокруг изобилия, но затем всплыло воспоминание о том, что армия захватчиков собирается идти по его следам, то есть как раз по этим землям, и в животе болезненно екнуло, словно на глаза опять попала голодная сколопендра.

В город они въехали вечером. Здесь опустошения в рядах пауков не наблюдалось: восьмипалые караульные по-прежнему стояли у въездов в столицу, у моста, у дворца Смертоносца-Повелителя; деловитые смертоносцы пробегали по улицам, караулили добычу у заводи в квартале рабов или на крышах, маячили на детском острове – будто и не было разгрома, истребления тысяч и тысяч пауков. Изменилось только одно: начисто исчезли мастеровые – слуги жуков, обычно раскладывающие вдоль главных улиц свои изделия.

– Нефтис, сообщи Смертоносцу-Повелителю о моем возвращении, – попросил Найл, когда они уже подъезжали к дому. – Я хочу встретиться с ним сегодня же.

– Сперва вас должен осмотреть Симеон, господин мой, – ответила стражница.

– Одно другому не мешает, – пожал плечами правитель.

Служанки встретили возвращение хозяина с искренним восторгом, дворец мгновенно наполнился радостной суетой. Минут через десять уже был накрыт богатый стол, Джарита приготовила свежую тунику и новые сандалии.

С одеждой получилось неудачно – старая туника присохла к ранам на спине. Между тем вид прозрачного бульона с тонкими, нежными, снежно-белыми прядями мяса листорезки, запеченных мух и жаркого из цикады, а также пирога с яблоками сделал свое дело, и Посланник Богини устремился за стол, отложив купание и смену одежд на потом.

– Только, главное, не увлекайся, – посоветовал вошедший в столовую Симеон.

– Ты уже здесь? – удивился Найл.

– Был поблизости, – усмехнулся медик, усаживаясь без приглашения, и сразу потянулся к графину с вином. – Наша прекрасная принцесса настолько заинтересовалась возрождением народа, что даже предлагает свою стражу детскому острову. А еще хочет обеспечить нас самыми лучшими продуктами. Дескать, пока Посланника Богини нет, то его стражниц можно в поля послать...

– Хотела, чтобы в городе, кроме ее гвардейцев, никаких других сил не оставалось, – сообразил Найл. – А со смертоносцами рассчитывала договориться...

– Ну это-то с первого дня ясно было, – расхохотался Симеон, налив себе полный бокал и опрокинув его в рот. – А вот едой-то все одно она город обеспечивает, да строительством, да еще за порядком приглядывает. Так что придется тебе, братец, ее простить. Кто еще будет этим заниматься? А я, грешным делом, решил, что уже все – она теперь правительница.

Найл, как раз разломавший муху и впившийся зубами в горячее мясо, вместо ответа только покачал головой.

– И сам вижу, что ты вернулся, – кивнул медик и опрокинул в рот еще вина. – Так что не вышло.

– Ты не понял, – поправил его Найл, прожевав свой кусок. – Похоже, скоро здесь появятся совсем другие правители.

– Ладно, – отмахнулся Симеон, выпив третий бокал. – Потом поговорим. Показывай, что там у тебя с рукою.

– С рукою все в порядке... – Найл торопливо доел муху и встал. – Просто мне тунику не снять.

Правитель встал и повернулся к медику спиной. Симеон изумленно присвистнул:

– Тут придется изрядно поработать. Где тебя можно уложить?

– В спальне...

– Да нет, уложить тебя надо на стол. – И Симеон громко позвал: – Джарита! Иди сюда! Мне нужны стол, пара простыней и много горячей воды.

– Если мой господин уже поел, я могу все отсюда унести, – с поклоном сообщила служанка.

– Уноси, милая, уноси, – благосклонно кивнул медик. – Но графинчик я пока придержу.

Пока Джарита с помощницами расчищала стол, Симеон выпил еще полбокала, поставил почти опустевший графин на подоконник и начал колдовать над принесенным служанками чаном с горячей водой.

Следующие полчаса раем Посланнику Богини не показались: он лежал набитым брюшком на жестких досках стола, а медик прикладывал к спине горячие простыни, вымоченные в каком-то горько пахнущем отваре. Симеон вдохновенно мурлыкал себе под нос неторопливую мелодию и менял простыни, лишь только они начинали остывать.

Хлопнула дверь в столовую, склонилась в поклоне Нефгис:

– Вас желает посетить Дравиг, господин мой.

Правитель было дернулся, но медик, даром что тощий и хлипкий, с силой прижал его к столу:

– И не думай. Только-только корка отмокать начала!

– Но мне нужно... – попытался выбраться из-под руки Найл, однако медик добычи не выпустил.

– Я лучше знаю, чего тебе нужно. Подождет восьмипалый часок, они к этому делу привычные.

– Дай я ему хоть пару слов скажу! – взмолился правитель города.

– Скажи, – не стал спорить Симеон и повернулся к начальнице стражи: – Давай, Нефтис, зови его сюда.

– Да ты чего, – заерзал Найл. – Как я могу принять его в таком виде?

– Можешь при-ни-мать, а можешь не при-ни-мать, – опять замурлыкал медик, меня очередную простыню. – Но пока я не закончу, никуда тебя не отпущу.

– Тиран, – вздохнул, сдаваясь, Найл.

– И это-о, разве это-о бла-го-да-а-а-а-рность! – Симеон накрыл пациента влажной обжигающей тканью.

Дравиг вошел в сопровождении двух молоденьких смертоносцев, опустил в ритуальном приветствии. Только тут до Найла дошло.

– Так ты жив?!

Вырвавшиеся у Найла слова сопровождались столь же спонтанной и эмоциональной мыслью, в которой удивление густо смешалось с искренней радостью.

– Да.

Сознание старого паука переполняло чувство, которое можно было смело назвать стыдом. Начальник охраны Смертоносца-Повелителя переживал из-за того, что бежал, а не кинулся спасать Посланника Богини.

– Оставь. – Правитель послал успокаивающий импульс. – Там требовалось немало мужества даже для того, чтобы просто выжить. Как тебе это удалось?

Дравиг выстрелил картинкой, и Найл опять увидел поле боя, на этот раз с огромной высоты.

Он пятился вверх по отвесной стене. Выставив длинные копы, захватчики в сверкающих шлемах разгонялись на своих «конях», но, приближаясь, двигались все медленнее и медленнее, завязая в стене ВУРа – взаимоусиливающего резонанса. Неподалеку столь же успешно держался еще один отряд смертоносцев. Вражеские арбалетчики остались далеко-далеко внизу, напоминая беспорядочной суетой новорожденных мошек, и сломить выстроенную объединенными сознаниями преграду здесь ничто не могло.

Однако Дравиг, едва начавший приходить в себя после столь страшного и стремительного разгрома, сопровождаемого к тому же сильнейшим болевым шоком, торопил пауков, стремясь уйти, пока пришельцы не успели сотворить еще какую-нибудь мерзость.

Скоро смертоносцы перевалили со стены на каменистую равнину плоскогорья. Почти все захватчики отстали, а пару чересчур увлекшихся преследователей пауки раздавили между отрядами и мгновенно разорвали на куски.

Из подзаправившихся бойцов Дравиг организовал группу прикрытия, а всех остальных бегом повел к крепости. Там отступающие успешно спустились, командир развернул их в цепь («как при облаве на людей», – промелькнуло в сознании смертоносца) и прочесал оазис вокруг озера, сметая все живое.

Нескольких оставшихся голодными пауков – считать смертоносцы не умеют, но, судя по мысленной картинке, таких набралось десятка два – Дравиг оставил сидеть в засаде, благо неподвижный смертоносец может обходиться без пищи месяцами, а поредевшие отряды повел к кораблям. Примерно на полдороге они нагнали жуков-бомбардиров и ту часть армии, что отступала низом. К ужасу командира, эти пауки поесть у озера Дира не догадались и теперь падали от истощения один за другим. Самое страшное – делать что-либо было уже поздно. До

кораблей добрались все смертоносцы из отрядов, ведомых Дравигом, и считанные единицы из тех, что отступали с жуками.

Душа у начальника охраны Смертоносца-Повелителя была полна скорби.

– Да, – кивнул Найл, – очень жаль.

К счастью, в разговоре со смертоносцами можно обходиться ничего не значащими словами – пауки прекрасно чувствовали, что в душе Посланник Богини искренне скорбит вместе с ними.

– А как удалось спастись тебе? – спросил Дравиг.

Найлу даже обидно стало. На месте паука любой человек при виде окровавленного правителя немедленно вообразил бы себе жестокую сечу, тяжелые раны, брошенного на поле боя правителя, принятого за мертвого, потом – возвращение сознания в ночной прохладе и долгий путь домой. А смертоносец не проявил ни малейшей искорки воображения. Просто увидел Посланника Богини и спросил.

– Я попал в плен, – признал правитель города. – Потом меня отпустили...

В этот момент Найл больше всего боялся вопроса «Почему?». Почему жестокие захватчики отпустили попавшего им в руки вражеского правителя? Как объяснить смертоносцам, что такое азарт, ставки в игре, пьяное разгулье?

Но у Дравига, как и у всех остальных пауков, любопытство отсутствовало начисто. Как ощущал Посланник Богини, даже вопрос о спасении был продиктован, скорее, стремлением продемонстрировать внимание и уважение со стороны Смертоносца-Повелителя.

Нет, Дравиг уважал и, пожалуй, любил Найла, вместе с которым ему пришлось немало пережить, но какая связь между хорошим отношением и расспросами, не дающими никакой пользы? Посланник Богини уже спасся – и это хорошо, – так о чем теперь спрашивать?

– Я хочу встретиться со Смертоносцем-Повелителем, – разочарованно вздохнув, произнес Найл.

– Я чем-нибудь обидел тебя, Посланник Богини? – забеспокоился смертоносец, ощутив состояние правителя.

– Нет, Дравиг, – покачал головой Найл. – Просто у меня плохие вести.

– Смертоносец-Повелитель очень беспокоился за тебя, – на всякий случай добавил паук. – Он не поверил в твою гибель и послал все корабли дежурить вдоль берега моря.

– Я вернулся, – с чувством благодарности кивнул правитель. – Вы можете их отозвать.

– Не можем, – признался смертоносец. – Нас осталось слишком мало, чтобы отпустить столько пауков на корабли. Моряки должны вернуться сами, когда истечет срок ожидания.

Насколько понял Найл по смене дней и ночей в сознании смертоносца, ждать корабли собирались дней десять.

– Смертоносец-Повелитель будет рад тебя видеть, как только ты отдохнешь. – Эта фраза Дравига дополнялась образом раннего утра.

– Хорошо, – после недолгого колебания согласился правитель. – Только пригласите на нашу встречу еще и Хозяина. Нам понадобится обсудить вопросы, касающиеся Договора.

Дравиг прислал импульс согласия, присел в ритуальном приветствии, развернулся и вышел. Молодые смертоносцы побежали следом.

– Ну вот, – подал голос Симеон, – кажется, ты созрел. Расслабься, успокойся. Сейчас начнем тебя раздевать. Кое-где, возможно, будет больновато, но в целом терпимо. Готов?

– Давай, – кивнул правитель.

– Джарита, – позвал медик и обнажил тесак с локоть длиной, – ты не сможешь?

Найл закрыл глаза и отсек от себя внешний мир. Нарботанный за последние месяцы опыт позволял делать это без малейших усилий. Если раньше правителю могли помешать шаги служанки за стеной, то теперь даже прикосновения ножа ничуть не мешали дисциплинированному сознанию.

Посланник Богини раскрылся солнцу, свету, падающей с небес живительной энергии. До чего обидно, что душа не может пить эту энергию, как человек – воду из ручья, что нужен долгий и порою болезненный путь от солнца к растениям, от растений к животным, от животных к людям, и лишь от человеческого тела – к душе. Обидно, ведь энергия – одна, одна для всех проявлений мироздания. Он чувствовал единство энергий, свою причастность к движениям вселенной, колебаниям невидимых нитей, натянутых в ней.

Но сейчас его интересовал не бескрайний мир, а маленькое селение, над которым нависла смертельная опасность. Найл развернул свою суть и опустил на город, накрывая его, словно туманом, сливаясь с движениями сил и существ, из которых город состоял.

Он опять почувствовал шевеление огромного живого организма, впитывающего из ближних полей питательные потоки, пропускающего их по жилам-дорогам, усваивающего тысячами желудков, а потом – преобразующего рост-строительство в мышление сразу четырьмя разумами: двумя крупными – Смертоносца-Повелителя и его, Найла, и двумя маленькими – один скрывался в изящном, почти игрушечном домике принцессы Мерлью, а другой – в здании городского совета. Все эти нервные узлы соединялись, переплетались, связывались множеством серебряных паутинок, истинного значения которых правитель города не знал, но чувствовал, что организм здоров, что впервые за последнее время с ним все в порядке. Такое ощущение, будто он как бы похудел, но все же оставался совершенно здоров. Вдвойне обидно дать ему погибнуть именно сейчас...

– Да, всякое бывало, когда я раны старые чистил. И ругались, и кричали. За палец кретин один недавно укусил. Но чтобы под ножом заснули...

– Я не сплю, – прервал медика Найл. – Я думаю.

– От этого у меня лекарства нет, – покачал головой Симеон, – а вот спину я тебе порошком алоэ посыпал, так что сегодня придется спать на животе.

– Я обычно так и сплю, – сказал правитель.

– Хороший знак, – кивнул медик, отошел к окну, взял с подоконника графин и налил полный бокал вина. – Я вот читал, раньше делали такую белую штуку, «пенициллин» называется, так вот она все болезни на корню останавливала. Порошок алоэ куда слабее. Но, надеюсь, от возможного заражения все же спасет... Джарита, ты почему так мало вина Посланнику Богини приносишь? Это ведь тоже обеззараживающее средство. И профилактическое, против многих...

Медик прервался и осушил бокал.

– Сейчас принесу, – схватила за опустевший графин служанка.

– Да ладно, – великодушно отмахнулся медик, – я все равно ухожу. Слушай приказ: я, как главный врач города, запрещаю тревожить Посланника Богини до самого утра, пока он не выспится после своих походов. Завтрак подашь ему в постель. И никого к правителю не пускать. – Симеон зевнул. – Сама, кстати, тоже не приставай... Претензий больного не слушать... – Он зевнул снова. – Ну, до завтра...

Медик задумчиво покрутил бокал в своих тонких желтых пальцах, поставил обратно на подоконник и, покачиваясь, вышел из столовой.

* * *

Спал Посланник Богини без снов – словно провалился в яму, полную липкой темноты, и ночь не принесла ему отдыха. Поднялся он разбитый, с больной головой и ломотой во всем теле. Однако позволить себе пару лишних часов поваляться в постели правитель сегодня не мог. Не притронувшись к сочно пахнущему рагу из кролика, Найл обошелся несколькими персиками и гроздью винограда, после чего быстро оделся в свежую тунику и приказал Нефтис подать коляску.

Некоторое облегчение наступило лишь после того, как он освежился в реке, дав гужевым десятиминутный отдых. Сами гужевые, покрытые серым слоем пыли со следами стекающего пота, ждали на берегу. Свойственная паукам ненависть к воде впиталась им в плоть и кровь.

Начальник охраны Смертоносца-Повелителя встречал гостя у входа, во главе почетного караула из полуобнаженных охранниц. Как всегда при свидетелях, Дравиг выполнил ритуал приветствия с подчеркнутым уважением.

– Смертоносец-Повелитель ожидает тебя, Посланник Богини.

Паук и человек привычно соединили сознания, и смертоносец повел Найла в главные покои дворца. Без восьмипалого проводника человеку здесь пришлось бы туго: освещение во внутренних коридорах отсутствовало – пауки при передвижении пользовались только своей великолепной памятью. Дравиг, следуя в двух шагах позади, постоянно передавал гостю «картинку» помещений, что они проходили. Правителю города и вправду казалось, будто он видит дорогу, только в несколько смещенном, розоватом свете. Только вот изображения потолка пауков не «рисовал», и потому казалось, что над головой разверзлась бездонная темная бездна.

Вовремя получая предупреждения о возможных препятствиях и поворотах, Найл шел спокойно и уверенно, словно по полуденной улице, и вскоре попал в зал под огромным стеклянным куполом. Сквозь многочисленные слои паутины пробивалось не так уж много солнечного света, и в обители Смертоносца-Повелителя царил вечный полумрак.

Хозяин жуков-бомбардиров уже находился здесь. Он щедро излучал недоумение по поводу своего приглашения на встречу, однако прихватил внушительную свиту из четырех жуков и шестерых слуг, из числа которых Найл знал только Доггинза. Со стороны хозяина дворца присутствовали шестеро пауков и четыре замершие, словно изваяния, стражницы – похоже, смертоносцы и впрямь начинали почитать людей за разумных существ.

И только правитель города явился один.

– Мы рады видеть тебя, Посланник Богини, – прозвучало безмолвное приветствие Смертоносца-Повелителя.

– Мы рады видеть тебя, Посланник Богини, – повторил следом Хозяин, и на мельчайшую долю секунды сознание бомбардира приоткрылось. Найл только-только успел ощутить его уверенность в принятом решении, как жук уже опять спрятался за ширму нарочитого недоумения.

«Эх, Тройлека бы сюда!» – подумал Найл и тут же услышал вопрос повелителя пауков:

– Кто такой Тройлек?

– Сейчас расскажу.

Найл решительно вымел из сознания все мысли и догадки о странном поведении Хозяина, сосредоточился и начал неторопливо, тщательно припоминая малейшие детали, «рисовать» историю своего пленения, плести узорную мысленную ткань из ярких картинок, в полной мере демонстрируя то, что на языке пауков называется талантом шивада.

Он повествовал об издевательствах захватчиков, об общении с переводчиком иноземного князя, о планах врагов по захвату города, о разгульном праздновании победы, о варварском пари на свою жизнь – переживания Посланника Богини, стоящего с петлей на шее, больно ужалили весьма чувствительных при обоюдном телепатическом контакте смертоносцев – о пяти брошенных на песок картах и, наконец, о своем освобождении.

– Да, тебе пришлось пройти трудный путь, Посланник Богини, – признал Смертоносец-Повелитель, проявляя нечто похожее на сочувствие. Впрочем, и это вполне могло быть всего лишь данью вежливости.

– Нам всем пришлось пройти трудный путь, – ответил Найл, излучая искреннее сожаление по погибшим смертоносцам, и решительно перешел к делу: – Дравиг сказал, что рядом с озером Дира остались несколько пауков. Так ли это?

– Да.

– Хоть кому-нибудь из них виден лагерь захватчиков?

Смертоносец-Повелитель помедлил с ответом – наверное, «разговаривал» со смертоносцами у озера, – потом с беспокойством сообщил:

– Вчера они покинули свою стоянку.

– Вчера...

Воду и пищу они несут с собой, прикинул правитель, ни скорпионы, ни сколопендры им не помеха, значит...

– Значит, у нас в запасе не больше пяти дней.

Найл еще не успел до конца сформулировать свое предложение, как остановить врагов, но Смертоносец-Повелитель, почувствовавший самую суть, запротестовал:

– Мы не можем использовать жнецы! Это слишком жестоко! – По натянутым нитям телепатического контакта разбежалась дрожь давнего ужаса перед холодной, бесчувственной смертью, истекающей из маленького механического устройства; кольхнула память о предсмертной муке тысяч и тысяч пауков, об их невероятной боли, потрясшей весь мир, и яркая по сей день картина усеянных мертвыми телами полей.

В ответ Посланник Богини стиснул зубы, и все собравшиеся увидели ровные ряды всадников. Сверкающие в солнечных лучах длинные наконечники копий со специальными зубчиками – чтобы причинить как можно больше мучений, – серебристые шлемы, прочные кирасы, высокие рыжие насекомые, взнузданные и оседланные. Потребовались считанные мгновения, чтобы всадники одолели узкую полоску песка.

Шипастые копыта впились в мягкие тела, и смертоносцев захлестнула такая волна боли, что даже перепоясанные ремнями пауки, успевшие удрать до гребня холма, свалились в жестких судорогах.

Всадники промчались почти до стены, оставляя за собой омерзительное месиво – Найла чуть не вытошнило, – развернулись и разделились на две части, чтобы добить уцелевших пауков. Они неслись, беспощадно затаптывая раненых, сминая стоящих на ногах, уничтожая все живое, и лишь считанным сотням смертоносцев удалось спастись.

А потом Найл показал то, что осталось после сражения: широкое поле, устланное равными телами смертоносцев; обрывки лап, обломки хелицер, клочья голов с черными влажными глазами. Толстый – почти по колено – слой из того, что еще вчера жило, дышало, думало...

– Ну как, ты все еще боишься использовать жнецы? – холодно поинтересовался Посланник Богини. – Они идут сюда. Им не нужны свободные смертоносцы. Они собираются жить здесь сами. Поставить на центральной площади столб, на котором сидит паук с человеческим лицом, а потом веселиться – насиловать женщин, убивать всех остальных, а созданное нами забирать себе, продавать, превращать в деньги...

Смертоносцу-Повелителю неведомо было ни что значит «насиловать», ни что значит «продать» – смертоносцы вообще не знакомы с понятием личной собственности, – однако по пропитывающим Найла эмоциям он догадался, что это так же ужасно, как и «убивать».

– Какой же злобой нужно обладать, чтобы изобрести сразу две муки, равные смерти! – дало трещину хваленое спокойствие повелителя пауков. – Против таких мокрых врагов можно применить любое оружие.

Для человека слово «мокрых» не несло того смысла, который вложил в него Смертоносец-Повелитель: пауки не умеют плавать, совершенно беспомощны в воде и ненавидят широкие водные поверхности на том неосознанном уровне, на каком некоторые женщины боятся маленьких, вкусных и совершенно беспомощных перед человеком крыс. Непереносимость смертоносцами воды настолько велика, что даже во времена неограниченного владычества над людьми пауки, пересекая море на кораблях, отдавали всю власть и вверяли жизни людям-морякам, впадая в состояние, напоминающее ступор.

Думая о захватчиках, правитель пауков излучил такую эмоцию, будто попал в воду на самом глубоком месте самого широкого моря. В человеческом языке для такого ощущения названия попросту нет.

– Нужно собрать все оставшиеся силы в новую армию, усилить ее жнецами и выставить в пустыне, там, где я вышел к полям, – предложил Посланник Богини и замолк, с интересом наблюдая, как работает фасеточное сознание Смертоносца-Повелителя над возникшей задачей.

Какой-то небольшой кусочек его разума прикидывал, откуда еще можно наскрести бойцов, другой – где назначить им точку встречи, третий беспокоился о том, что войско противника может просто обойти выставленную армию, не принимая боя, а потому хорошо бы встать не в пустыне, а на дороге, перед входом в город...

Тут Найл вмешался, послав картинку цветущих крестьянских хозяйств, какими они выглядят сейчас, и вид обугленных равнин, в которые они превратятся после прохода врага. Даже уничтоженные в конце концов, захватчики нанесут слишком большой урон городу и определенно посадят жителей на голодный паек. Смертоносец-Повелитель подумал и согласился. Одновременно – откуда-то из другой фасетки – пришла справедливая мысль: если враг попытается их обойти, пауки могут просто ударить ему в спину. Не решатся же пришельцы на столь явное самоубийство? План битвы в пустыне, предложенный Найлом, был признан единственно правильным, утвержден, и одновременно из другой, совершенно самостоятельной ячейки паучьего разума выскочил и был направлен к исполнению приказ о регулярном запуске разведывательных шаров – каждые четверть суток начиная с послезавтрашнего дня.

Уследить за работой бесконечного количества мыслящих фасеток человеческий разум при всем желании не мог, Посланник Богини замечал лишь самые крупные из обдуманых и «выданных наверх» решений, но и те мельтешили, точно мухи в проносащемся мимо рое.

Вот сформировалось еще одно: поскольку дальнего похода на этот раз не планируется, армия смертоносцев не нуждается в головном «таране» из жуков-бомбардиров. От Хозяина требуются только жнецы.

– Сколько их осталось? – обратился Найл к правителю жуков.

– Для вас их нет, – четко и решительно ответил тот.

– Как?! – Смертоносец-Повелитель прервал раздумья и присоединил свой импульс изумления к восклицанию правителя города.

– Согласно заключенному нами Договору, – ясными, отдельными словами ответил бомбардир, – я обязан сохранять жнецы и выдавать их только в том случае, если смертоносцы нападут на людей. На сегодняшний день я не усматриваю нарушения Договора и жнецы никому не дам.

На несколько долгих секунд в главном зале дворца воцарилась ошеломленная тишина.

Затем Посланник Богини попытался осторожно прощупать сознание Хозяина, но не тут-то было!

Теперь стало ясно, зачем Хозяин набрал столько сопровождающих: синхронизируя нарочитое удивление, четверо жуков прикрывали мысли предводителя непроницаемой стеной.

Однако Найл не стал кидаться на штурм ментальной крепости. Вместо этого он прощупал Доггинза.

Слуга знал немного: только то, что четырех жнецов не хватит для обороны длинного периметра города, а уж тем более всех обрабатываемых земель, зато подходы к собственному кварталу они переключают намертво.

Об остальном было нетрудно догадаться: Хозяин, для которого безопасность немногочисленной колонии жуков-бомбардиров всегда оставалась превыше всего, прячась за букву Договора, решил оставить жнецы себе.

Приступ ярости, охвативший Смертоносца-Повелителя, бездумно швырнул стражниц и пауков вперед, но короткая атака захлебнулась, едва начавшись: жуки сомкнули черные панцири, и нападающие уткнулись в невидимую стену.

– Убирайтесь отсюда... мокрые, – презрительно бросил правитель пауков и прекратил атаку.

Безусловно, можно было собрать силы и взломать слабенькую защиту пяти бомбардиров, но первый порыв злости прошел, и Смертоносец-Повелитель вспомнил о чести. Хозяин явился сюда как гость и пользовался дипломатической неприкосновенностью. К тому же его гибель ничего не меняла – даже во времена наивысшего могущества смертоносцам не удавалось захватить квартал жуков, а уж теперь, после стольких потерь, и подавно не выйдет склонить их к покорности.

– Так будет всегда! – внезапно заявил Хозяин с гордостью. – Пришельцы тоже не смогут нас взять и заключат перемирие. Властелины Вселенной приходят и уходят, а жуки остаются.

– Во-он! – Ярость опять охватила Смертоносца-Повелителя, и Хозяин в сопровождении свиты поспешил скрыться за дверью.

Найлу стало ясно, что с этого дня между жуками и смертоносцами навеки пролегла пропасть. Теперь уже ни они, ни их дети никогда не станут союзниками. На его глазах произошло событие, о котором сотни лет будут рассказывать легенды: как жуки-бомбардиры, спасая собственную шкуру, фактически украли у пауков оружие и обрекли восьмилапых союзников на смерть.

– Думаешь, все мы погибнем?

Посланник Богини совершенно забыл, что продолжает находиться в мысленном контакте со Смертоносцем-Повелителем.

– Не знаю, как мы теперь сможем противостоять захватчикам, – безнадежно пожал плечами правитель.

– Соберем новую армию.

– Такой армии, как у них, нам не собрать никогда... – Найл ощутил внезапную слабость в ногах и осел на пол. – Это не просто смешанное войско, это сплоченный отряд очень умелых бойцов. Когда они атакуют смертоносцев, их пауки ВУРом прикрывают людей, те стрелами из арбалетов разрушают единство противника, а конница добивает разрозненных врагов. Когда они атакуют людей, то пауки парализуют двуногих, и те не способны отбиваться ни от конницы, ни от пехоты. Что мы можем противопоставить этим опытным воякам?

– Мы тоже включим в армию людей.

– Каких людей?! – закричал Найл, вскакивая на ноги. – Где ты их возьмешь?! Кто в этом городе умеет стрелять из арбалета? Вы сотни лет запрещали двуногим не то что иметь оружие, но даже пользоваться элементарными инструментами. Кто здесь решится пойти в атаку, подняться грудью на копья всадников?! Два десятка твоих стражниц? В этом городе нет людей, здесь живут только рабы! Ты сам поколение за поколением вытравливал из них смелость! Теперь они умеют только слушаться кнута да стоять на коленях!

– Ты обвиняешь меня в порабощении двуногих? – холодно спросил Смертоносец-Повелитель.

– Нет. Обвинение тебе движется сюда от предгорий Северного Хайбада. – Найл развернулся и вышел из зала, громко хлопнув дверью.

Теперь дороги гостю никто не показывал, и ему пришлось изрядно поблуждать в темноте. В конце концов правитель выбрался на крыльцо и невольно зажмурился от яркого света.

– Ты действительно так думаешь? – услышал он мягкий вопрос.

– Дравиг? – удивился Найл. – Откуда ты здесь? Ведь ты находился в главном зале!

– Ну, Посланник Богини, ты шел так медленно, что я тебя обогнал.

Правитель готов был поклясться, что седой паучище улыбается!

– Дравиг, надеюсь, ты не рассердился на меня за то, что я наговорил Смертоносцу-Повелителю?

– Нет, Посланник Богини. Мне показалось, это Смертоносец-Повелитель неверно истолковал твои слова.

– Я не хотел его обидеть.

– Знаю. Но он слишком долго правит. Он мудр, но ему не довелось пережить того, что досталось нам. Он чувствовал нашу боль, но не понимал нашей беззащитности. – Тон смертоносца стал серьезным. – Поэтому и я хочу задать тебе этот вопрос: скажи, Посланник Богини, мы действительно все погибнем? Наш род прервется?

Найл промолчал, не зная, что ответить.

– Я не боюсь смерти, Посланник Богини. Никто и никогда не мог миновать ее. Но если после нас на Земле не останется смертоносцев, вообще никого не останется, тогда ради чего я жил? Ради чего жили наши предки – сражались, терпели боль, умирали? – Начальник охраны ненадолго замолк. – Я не боюсь, Посланник Богини. Мне обидно.

– У нас есть еще пять дней, Дравиг. Мы что-нибудь придумаем.

– Не надо меня жалеть, Посланник Богини. Скажи правду. Наш мир погибнет?

– Постарайся не верить в это, Дравиг, – попытался уйти от ответа правитель. Он запрыгнул в свою коляску и приказал гужевым: – Бегите к Белой Башне.

Все-таки хорошо, что смертоносцы никогда не заглядывают в мысли тех, кто находится выше по иерархической лестнице. Найл ни за что не признался бы Дравигу в том, что думал на самом деле...

* * *

В сумраке войлочной юрты густо воняло тухлятиной, мокрой шерстью, прогорклым жиром, человеческим потом и еще множеством составляющих, непереносимых для привыкшего к свежему воздуху Найла. В центре, на основательно драном коричневом ковре, между маленьким круглым щитом и кривым мечом в потертых кожаных ножнах, сидел перед большим медным казаном скуластый, длинноусый мужчина в засаленном халате и лисьем малахае и любовно облизывал толстые короткие пальцы.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что именно так и выглядел великий Чингисхан? – усмехнулся Найл.

– Как он выглядел на самом деле, современная наука не знает, – покровительственно сообщил хозяин юрты, почесывая под мышкой.

– «Современная наука» не знает даже того, как сделать новое стекло взамен разбитого, – грубовато ответил правитель города. – Не существует современной науки, Стииг, нету!

– Ты не прав, – покачал головой Стигмастер, засучил рукав, по локоть запустил руку в казан и вскоре поймал большой кусок мяса с двумя торчащими в стороны обломками костей. – Будешь?

Найла передернуло.

– Ну, как хочешь. – Стииг смачно впился зубами в кусок, с которого на халат текли струйки бульона, но продолжал говорить чистым, ясным голосом: – Наука существует, она продолжает обогащаться благодаря всем тем данным, которые передаю я, благодаря твоим, неизвестным ранее, способностям, благодаря...

– Ага. Но это там, на звездах, – перебил его Найл. – А мы тут как были дикарями, так и остаемся... Слушай, да убери ты все это! Задохнуться ведь можно!

Монгол вытер руки о халат, щелкнул пальцами, и юрта исчезла. Найл стоял посреди серой площадки, уставленной различными агрегатами, а за куполом из силового поля расстился город пауков: ровный круг жухлой травы вокруг Белой Башни, по краю которого тянулась

пыльная дорога, а дальше – развалины, развалины, развалины. Выше четвертого этажа сохранилось от силы пять домов. Впрочем, в этих архитектурных пенках уцелело так много приличного жилья, что, даже свободно расселившись, люди заняли не больше трети, и целые кварталы пустовали на протяжении веков.

– Стииг, – правитель города указал на двухэтажную развалину, – сколько этажей было в этом доме?

– Двадцать пять. – Старец в длинной рясе возник рядом и погладил седую окладистую бороду. – Небоскребом не назовешь.

– Великая Богиня! Сколько же здесь жило народу?

– Не так уж и много... – Старец покосился на гостя. – Ты не хочешь воспользоваться умиротворяющей машиной?

– У меня нет времени.

– Ты слишком нервничаешь.

– А разве ты не знаешь, что происходит в городе? Сюда вот-вот придут захватчики!

– Знаю, – кивнул Стииг, – списал данные сегодня ночью.

– Так это ты мне весь сон испортил?!

– Что поделать, – пожал плечами старик, – бодрствующий мозг практически не отдает информации.

– Ладно, – махнул рукой Найл, – списал так списал. Зато тебе все известно. Мне нужен твой совет.

– Ляг в умиротворяющую машину.

– Что? – не понял правитель.

– Ты просил совета? – Стииг с нарочитой неторопливостью подошел к стене и выглянул наружу. – Мой совет таков: воспользуйся умиротворяющей машиной.

– Речь идет о жизни тысяч людей, а ты...

– ...А я вижу, что ты слишком нервничаешь и не способен адекватно воспринимать факты и предложения, не способен корректно формулировать вопросы. Тебе хочется куда-то мчаться, что-то делать, все равно что. Это не принесет никакой пользы. – Послышалось тихое чмокание, и бирюзовый куб слева раскрылся, выдвинув узкое ложе. – Перестань понапрасну бегать по кругу. Ляг сюда. Ты ведь знаешь, как она работает.

Найла действительно обурежала жажда деятельности, он стремился бежать, спасти, выручать, но... Но не знал, как.

– Только ненадолго, – смирился правитель и опустил на ложе.

Тело обволокло нежным, ласковым теплом, снимающим напряжение и расслабляющим мышцы. Найл мгновенно заснул, но тем не менее ощутил, как в мозгу появилась точка чистого белого света. Она разрасталась, превращаясь в пятнышко, в круг, захватывая в свою власть сперва голову, потом плечи, грудь, руки – и так до тех пор, пока в белом свете не оказался весь человек. В этом чистом круге не было места грусти и страху, боли и усталости, а потому правитель сладко потянулся, повернулся набок и открыл глаза.

– Ну как? – ласково осведомился Стигмастер.

– Пожалуй, ты был прав, – улыбнулся Найл.

– Тогда прошу к столу, – сделал приглашающий жест старец.

Купол исчез. Найл и Стигмастер, на голове которого появилась маленькая войлочная шапочка, а ряса стала красной, оказались в большой, высокой комнате с лепным потолком, затянутыми нежно-зеленым шелком стенами, наборным паркетом и двумя окнами, задернутыми тяжелыми шторами. В простенке помещалось закрытое бюро с массивными бронзовыми настольными часами, а рядом – дубовый стол с резными ножками, возле которого стояли два стула, обтянутых той же тканью, что и стены. Явным диссонансом в средневековом убранстве выглядел синтезатор пищи, наполовину выпирающий из резных дверей.

Увы, голограмма Стиига не могла подать гостю угощения.

Найл заказал себе тройную порцию фруктового мороженого – синтезатор сразу исчез – и сел за стол.

– Итак, давай разбираться, – начал Стигмастер. – Чего ты, собственно, хочешь?

– Спасти город от гибели... – Странновато было произносить такие слова, сидя за вазочкой с мороженым.

– А кто тебе сказал, что он погибнет? – развел руками Стииг. – Едва ли не каждый город, существовавший на нашей планете, по многу раз переходил из рук в руки, порою оказывался разрушен до основания, но впоследствии почти все успешно возродились. Вряд ли исчезнет и этот.

– Сюда придут варвары, самые настоящие дикари. Они будут зверствовать, насиловать, убивать, играть в карты.

– Не верю, – покачал головой старик. – Убивают обычно тех, кто сопротивляется насилию. Люди этого города жили рабами больше пятисот лет. Разве они способны сопротивляться? Они встретят новых хозяев на коленях и в худшем случае просто получают пару раз по физиономии.

– А насилуют тоже только тех, кто сопротивляется? – попытался съехидничать Найл.

– В течение последних двухсот лет, – невозмутимо продолжал Стигмастер, – за самовольную интимную связь им полагалась смертная казнь. Женщины спаривались по приказу хозяев с теми, с кем приказывали. Если прищельцы прикажут вступить в связь с собой, это вряд ли вызовет даже удивление.

– Тебя послушать, так после падения города ничего вообще не изменится!

– Изменится. После сорока лет люди не будут отправляться в Счастливый Край.

– Постой, – вскинул руки Найл, – но ведь вот уж больше года, как все стали свободными людьми!

– Всех сделали свободными, – поправил Стииг. – Помнится, с месяц назад даже бунт был по этому поводу – люди жаждали отправиться в тот самый Счастливый Край.

– Было дело, – усмехнулся правитель, вспомнив принцессу Мерлью с подбитым глазом. – Но бунтовщиков набралось совсем немного.

– Немного набралось людей, достигших нужного возраста, – вновь мягко поправил старец, – а вот тех, кто с облегчением воспримет возвращение привычных порядков, куда больше.

– Человек никогда не откажется от свободы! – едва не закричал Найл.

– Раб выполняет порученную работу, а взамен получает сытную еду, крышу над головой, – начал спокойно перечислять Стииг, – одежду, постель и уверенность в завтрашнем дне. И все это – без каких бы то ни было усилий с его стороны.

– Он должен безропотно трудиться, – попытался возразить Найл.

– Свободный человек тоже должен трудиться, – улыбнулся старик, – но даже работу ему приходится искать самому. Каково бедолаге, выросшему на всем готовом, оказаться на твоей хваленой свободе?

– Я тебе не верю, Стигмастер, – твердо глядя старику в глаза, заявил правитель города. – Настоящий человек скорее умрет, чем снова станет рабом!

– Да, так и будет, – согласился Стииг.

– Что?

– Те, кто уже не захочет вернуться в рабство, умрут!

– И ты так спокойно про это говоришь?!

– Ты беспокоился о городе? – напомнил старик. – Так вот, с городом ничего не случится.

Просто вместо одних хозяев придут другие.

– А как же смертоносцы?

– А что смертоносцы? – поднял брови Стииг.

– Что будет с ними?

– Какая разница? Ты беспокоишься о городе? Так город уцелеет...

– Но они тоже часть города! – Найл резко вскочил, отодвинул мороженое и заходил вдоль стены.

– Ки-ис, кис-кис, – позвал старик, и непонятно откуда взявшийся котенок принялся тереться об его ногу. Стииг поднял малыша, посадил на колени, почесал за ушком. Котенок заурчал.

– Мороженое растает, – ненавязчиво напомнил Стигмастер.

– Угу, – угрюмо буркнул правитель, однако за стол вернулся.

– Нравится? – показал Стииг на котенка.

– Угу, – кивнул Найл.

– Так вот, за год у такой красивой кошечки рождается от шести до двенадцати котят. Все очаровательные, и каждого жалко. Некоторые люди все равно их топили, и это, конечно, жестоко. Но в большинстве случаев очаровательных малышей оставляли жить. А еще через год у каждого из двенадцати рождались свои двенадцать, а у тех свои... В конце концов настает день, когда при всем желании невозможно пожалеть и приласкать каждого...

– При чем тут котята?

– Природа жестока, Найл. И как бы мы ни стремились сделать счастливыми всех, она все равно добьется своего.

– Чего?

– Города и государства, племена и цивилизации – все это живые организмы, только куда более крупные и сложные. И выживают они по тем же законам. – Стииг улыбнулся. – Ведь на коленях только одно место.

– Понимаю. – Правитель отодвинул опустевшую вазочку. – Выживает сильнейший. Естественный отбор. А то, что пришельцы культивируют жестокость, тебя не касается?

– Доброта – это удел сильных. А новорожденные цивилизации нашей планеты еще слишком молоды и слабы. Отсюда и жестокость.

– Но смертоносцы...

– Твои хваленые смертоносцы за последние пятьсот лет не дали умереть своей смертью ни одному человеку! – повысил голос Стигмастер. – Просто они предпочитали убивать скрытно.

– Интересно получается. – Найл поднялся и отошел к окну. – Пока смертоносцы были в силе, они нравились всем. Стоило им потерпеть поражение, как от них сразу отвернулись и жуки, и ты, да и мне, похоже, положено отвернуться.

– Так это нормально, – утешил Стииг, – так происходит всегда. Это называется предательством.

Найл отодвинул занавеску. В небольшом дворике с клумбой посередине бегали друг за другом девочки в коротких платьицах с рюшечками. Сквозь двойные стекла доносился звонкий смех.

– Формулирую вопрос, – резко повернулся правитель к старику. – Как сохранить цивилизацию смертоносцев в нынешнем состоянии?

– Истории известно много вариантов сохранения самобытности государства после военного разгрома. Самый распространенный – это нежелание победителей что-либо менять. Римская империя, например, требовала чисто номинального подчинения и выплаты дани, а дальше – живите как хотите. Британская империя даже пыталась развивать поработанные народы до своего уровня. Но в данном случае этого не получится. Ты сам говорил, что пришельцы намерены здесь поселиться. Значит, переделают все по-своему. Более эффективно действовал Китай. Всех своих поработителей он просто ассимилировал, сам ничуть не изменяясь. Но вашему городу далеко до размеров Китая. Наиболее сложный путь прошел Израиль. Он

сам рассеялся среди победителей, подспудно накапливая силы, и возродился спустя почти две тысячи лет. Только боюсь, захватчиков слишком мало, чтобы все вы незаметно среди них растворились. Вот, пожалуй, и все. Национально-освободительные движения перечислять не буду. Они добивались свободы, но отнюдь не сохраняли самобытности.

– Что же делать?

– Не знаю, Найл, не знаю. Мое дело сохранять и использовать готовые решения, а не изобретать новые. Я компьютер, а не человек.

* * *

Первым человеком, которого увидел Найл по возвращении домой, оказалась принцесса Мерлью. Ее ладную фигурку плотно облегалo короткое голубое платье, талию охватывал наборный бирюзовый пояс, в ушах поблескивали оправленные в золото сапфиры, а собранные на затылке волосы удерживала продернутая сквозь них лазоревая нить. Сердце правителя дрогнуло, однако он взял себя в руки и бросил на властолюбивую гостью суровый взгляд:

– С чем пожаловала, Мерлью? Уж не хочешь ли и меня отправить на работы в поля?

– А ты знаешь, какой вкусный суп получается из свеклы? – Принцесса кинула на правителя хитрый взгляд. – Могу угостить, если соизволишь завтра заглянуть ко мне на обед.

– Ну да. А ты тем временем отправишь моих стражниц куда-нибудь за тридевять земель.

– Вранье! – вскинулась принцесса. – Никого я никуда не отправляла.

– Не успела.

– Передумала!

– Вот как? – демонстративно удивился правитель города. – Ты до сих пор не решила, куда спроводить мою личную охрану?

– Перестань дуться, Найл. – Девушка взяла его за руку. – Ты пропадал пятнадцать дней! Что мне оставалось делать?

– Может быть, не торопиться хоронить?

– Да никто тебя хоронить и не собирался! – Принцесса с силой отбросила его ладонь и обиженно отвернулась. Кинула через плечо: – А городом пусть советник Бродус занимается, да?

– Тебе лишь бы власть прибрать.

– Вранье! – вырвалось у Мерлью. Девушка опять повернулась к правителю, но заговорила куда серьезнее: – Ну, а случись что с тобой на самом деле? Весь мир пропадать должен? Трава не расти, солнце не свети, люди не живи? Да, я хотела поддержать порядок! Ну и что?

– Ничего. Непонятно только, почему для этого нужно высылать из города мою охрану, рыться в моих вещах и менять караул на детском острове!

– Гвардейцев на остров я направила потому, что смертоносцы оттуда куда-то исчезли, а твои стражницы, о великий Посланник Богини, никого без тебя не слушались; дома у тебя я искала план библиотеки, в который ты намеревался внести исправления; а стражниц собиралась направить в поля вместе с гвардейцами. Там сейчас пауков тоже нет ни одного. А еще, – с явной обидой закончила принцесса, – я хотела сказать тебе, что рада твоему возвращению, что готова вообще никогда не иметь короны, лишь бы с тобой все было в порядке. Извини, что потревожила, Посланник Богини.

– Постой, не уходи. – На этот раз Найл попытался поймать девушку за руку, но Мерлью не далась, отступила.

– Рада, что ты здоров, Посланник. Пойду прикажу гвардейцам покинуть детский остров, раз ты из-за этого так беспокоишься.

– Не нужно. Теперь это не имеет значения...

Последней фразой Найл надеялся разбудить в принцессе любопытство, но Мерлью и бровью не повела. Лишь с покорностью поклонилась:

– Как прикажете, Посланник Богини.

Скрипнула дверь, в комнату заглянула Нефтис. Стражница одарила принцессу долгим неприязненным взглядом, потом повернулась к Найлу:

– Там пришел Доггинз, господин мой, он просит разрешения поговорить с вами.

– Доггинз? Из квартала жуков? – удивленно подняла брови Мерлью.

– Да, господин мой, – поклонилась начальница охраны правителю.

– Проводи его в зал для приемов, – распорядился Найл и повернулся к принцессе.

На лице девушки отражалась мучительная внутренняя борьба: с одной стороны, она действительно обиделась, с другой...

Когда три месяца назад смертоносцы обвинили двуногих в убийстве четырех пауков, слуги жуков открестились от всякого родства с остальными людьми и с тех пор никак не общались с Посланником Богини, чувствуя его презрение. Такое отношение Найла вполне разделяли все, кто знал о происшедшем во дворце Смертоносца-Повелителя. Если Доггинз, признанный вожак среди слуг жуков, явился к правителю города, значит, и впрямь случилось нечто из ряда вон...

– Мерлью, – совершенно серьезно попросил правитель, – для города начинается трудное время, и мне очень нужна твоя помощь. Останься рядом со мной, пожалуйста.

– Хорошо, – милостиво кивнула принцесса, получившая возможность удовлетворить любопытство, и царственно протянула Найлу руку.

Он осторожно коснулся губами тыльной стороны ладони, потом рассмеялся и порывисто привлек Мерлью к себе.

– Ты просто невероятно красива, – прошептал он девушке на ушко.

– Я так обрадовалась, что ты вернулся, – так же шепотом ответила Мерлью, – а ты... Даже не поздоровался.

– Мне тебя очень не хватало. Я вспоминал тебя. Честное слово!

– Я чуть не заплакала, когда сказали... что тебя убили...

– Ну, я же вернулся. – Найл тряхнул головой. – Ладно. Пойдем.

– Найл, – остановила правителя принцесса, – я просто думала, что теперь уже... Я совсем не хотела отнимать у тебя власть над городом. Просто...

– Да хотела, хотела, – добродушно усмехнулся Найл. – Ничего страшного, я уже привык. Пойдем.

* * *

Доггинз явно нервничал. Ему не по душе было навязанное поручение, и он мялся, стараясь не встречаться глазами ни с Посланником Богини, ни с принцессой. От прежнего, уверенного в себе, жизнерадостного, широкоплечего мастера-пиротехника не осталось и следа. После разрыва отношений с правителем слуга бомбардиров даже вроде как съезжился, меньше ростом стал, что ли.

– Что привело тебя в мой дом, жук?

Посетитель вздрогнул. Любопытно! Год назад, когда в награду за особенно эффектный взрыв жуки-бомбардиры дружно признали его равным себе, Доггинз был рад без меры, а сейчас вот вздрагивает, опасливо косясь на принцессу.

– Так в чем дело?

– Понимаешь, Посланник Богини, э-э... – Бывший мастер опять покосился на девушку, явно намекая, что она лишняя.

Найл отступил к Мерлью, обнял ее за плечи и крепко прижал к себе. Доггинз все понял, вздохнул и осторожно начал:

– Хозяин приглашает тебя к себе, Посланник Богини.

– Мне некогда, – пожал плечами Найл.

– Ты неправильно понял, Посланник Богини. – Представитель Хозяина опять покосился на принцессу. – Он приглашает тебя насовсем.

– Насовсем?

– Да, насовсем. Хозяин приглашает тебя переехать в квартал жуков.

Найл почувствовал, как вздрогнули под рукой плечи девушки, однако принцесса сдержалась. Интересно, какие мысли роились сейчас в ее прелестной головке? Но в свое время правитель обещал никогда не залезать в ее разум и слово свое собирался сдержать.

– Думаю, – решил добавить Доггинз, – Хозяин позволит принцессе Мерлью переехать вместе с тобой.

– Значит, Хозяин уже начинает решать, с кем мне жить? – зловеще поинтересовался правитель города.

– Нет-нет, – забеспокоился гость, – он ничего подобного не предлагал. Это я. То есть я подумал, что, может быть... ты захочешь...

– А мнение принцессы Мерлью тебя не интересует?

– Разве она захочет опять стать рабыней?

– Я никогда не была рабыней! – гордо отрезала девушка, сбрасывая с плеча руку Найла. – Никогда!

В чем-то она была права. Ведь год назад, когда ее привели в город бесправной пленницей, Смертоносец-Повелитель сохранил за девушкой звание принцессы и вместе с отцом поселил во дворце. Правда, отдельные распоряжения – например, соблазнить Найла и убедить его стать правителем людей – казались весьма двусмысленными, так что Мерлью очень болезненно воспринимала любые напоминания о том периоде своей жизни.

– Забота о принцессе весьма похвальна, она очень много сделала для всех обитателей города. – Найл с интересом склонил набок голову. – Но как же Симеон? Он тоже потрудились немало.

– Я поговорю о нем с Хозяином, – пообещал слуга жуков.

– А о Нефтис? А о Джарите? О Корбине? Савитре? Сидонии? Дионе? – начал перечислять правитель города имена известных ему людей.

– Но ты же не сможешь забрать с собою всех! – взмолился Доггинз.

Найлу показалась, что совсем недавно он уже слышал эти слова.

– Подумай, Посланник Богини, ведь это всего лишь рабы! Они родились рабами, выросли рабами, рабами и останутся, – продолжал уговаривать слуга бомбардиров. – Ну, подумаешь, придут другие хозяева... Для них не изменится ничего.

– А для вас?

– И для нас ничего не изменится, – убежденно ответил Доггинз. – У нас есть жнецы. Захватчики не полезут на верную смерть. Как со смертоносцами раньше договаривались, так и с ними договоримся. Почти все слуги жуков образованны, мы знаем тайны изготовления газовых фонарей, ножей, кресал. Мы будем нужны пришельцам – так же, как нужны паукам! С кварталом жуков ничего не случится, мы останемся в безопасности.

– Тогда зачем вам понадобился я?

– Мы же так много пережили бок о бок, Найл, – слегка передернул плечами посланец Хозяина, – мы вместе сражались со смертоносцами, добивались свободы для людей города, мы вместе победили рабство. Я не хочу, чтобы ты снова стал невольником!

– А ведь лжешь ты, лжешь, дорогой мой Доггинз, – покачал головой правитель города. – Не моя безопасность беспокоит всех вас, а гнев Великой Богини. Ведь ты был со мною в

Дельте, ты знаешь, что она, в отличие от прежних, человеческих богов, существует. Знаешь, что именно она одарила меня нынешней властью, что она позволила вырасти до нынешних размеров и смертоносцам, и жукам. А боитесь вы с Хозяином того, что, если я попаду в темницу или, хуже того, погибну, она вам за предательство отомстит. Так?

Найл приблизился к гостю, обошел его кругом, оглядывая с ног до головы:

– Даже странно, как долго я принимал вашу трусость за смелость. Получив звание жука, ты испугался, что не сможешь подтвердить своего титула новыми взрывами, и вы полезли со мною в арсенал. Потом вы испугались мести пауков и отправились со мною в Дельту. Хорошо иметь славу героя, правда? Но когда вы почувствовали, что, возможно, придется сражаться, рисковать собою ради других людей, вы этих людей предали. Когда поняли, что придется сражаться за смертоносцев, предали и этих. А теперь надеетесь уговорить меня бросить всех и спрятаться, хотите заманить к себе в качестве талисмана...

– Хозяин предлагает тебе безопасность, Посланник Богини, – перебил правителя Доггинз. – Он пытается тебя спасти!

– Никогда в жизни я не вступлю в стены квартала жуков, – четко и ясно ответил Найл. – Какие-то вы там все... мокрые.

– Точно-точно, – подтвердил вошедший в зал Симеон, – подмочили они себе репутацию, подмочили.

– Здравствуй, старик, – кивнула медику девушка.

– Как? – удивился Симеон, посмотрел на принцессу, потом на правителя, опять на принцессу... – А-а-а... Понятно. И чего она тут тебе наговорила, Найл? Не верь, врет наполовину.

– Сам хоть бы пальцем пошевелил, бездельник! – возмутилась Мерлью. – А помнишь, какие слухи пошли по городу, когда смертоносцы ушли? Ты к кому жаловаться прибежал? Чьи гвардейцы жителей на общественные работы выгоняли? А споры между крестьянами кому пришлось решать? А обозы от зеленых мух кто охранял? Мне даже уличные патрули и посты у мостов снять пришлось, чтобы пауков заменить! А ты только вино пил и в жилетку плакал, что продуктов в больнице не хватает. А как донести – так он первый!

– У меня своих хлопот хватает, – парировал медик. – А ты – принцесса, ты и развлекайся.

– Уходи, – кивнул Доггинзу Найл. – Лучше я вернусь в пустыню, чем буду тухнуть среди предателей. Уходи.

– Ты ошибаешься, Найл, ты ничего не знаешь... – попытался протестовать Доггинз, но правитель отвернулся к своим друзьям.

Больше всего правителя города удивило поведение принцессы Мерлью: всегда сдержанная, корректная – по крайней мере, внешне, – сейчас она оживленно, даже азартно ругалась с Симеоном по поводу правильности своих действий. Определить, кто из них прав, а кто нет, правитель не брался. Само собой, без смертоносцев, на страхе перед которыми основывался порядок в городе, только решительность и напористость принцессы удержали вчерашних рабов в должных рамках. Однако и упустить шанса дополнительно упрочить собственное положение Мерлью никак не могла. Характер не тот.

– Итак, Найл, – оборвала спор принцесса, – может быть, ты теперь объяснишь, что происходит?

Едва за слугой жуков захлопнулась дверь, как на девушке словно корсет затянули: она выпрямилась, развела плечи – сквозь легкую ткань проступили острые соски, – вскинула подбородок. В глазах блеснул лед.

– Так-так, – покачал головой Найл. – Похоже, теперь в чем-то подозревают меня.

– Ничего себе! – возмутилась девушка. – Он тут так разговаривает, будто завтра мир погибнет, а нам всем – ни гу-гу!

Симеон промолчал. Он неспешно прогуливался вдоль стены, заглядывая в расставленные там шкафчики.

– А разве вы не знаете?! – удивился в свою очередь Найл.

– О чем?

– О захватчиках.

– Так ведь их же разгромили!

– Кто вам это сказал?

– А разве может быть иначе? – с неожиданной для нее наивностью пожала плечами Мерлью.

– Нда-а... – Не в силах подобрать нужные слова, Найл долго переводил взгляд с девушки на медика и обратно, пока наконец не выдавил: – Они разнесли армию смертоносцев в пух и прах. Перебили почти всех пауков и теперь идут сюда...

Мерлью и Симеон ошеломленно переглянулись, потом уставились на правителя и хором переспросили:

– Правда?

– Дней через пять они будут здесь... – Медик и принцесса переглянулись еще раз и неожиданно громко грянули:

– Ура-а-а!

– Да вы чего...

Но договорить Найлу не дали: принцесса Мерлью с разбегу прыгнула ему на шею и принялась целовать, не разбирая, в нос, щеки, шею.

– Все! Все! Смертоносцев больше нет! Конец восьмипалым! – орал медик. Он тоже попытался обхватить Посланника Богини, но удобного места не нашел и стал просто бегать вокруг.

– Ага, нашлась и на них управа! – тихо шипела девушка. – Отольются им наши слезы!

– Да чему вы радуетесь, во имя Богини?! – смог наконец вырваться Найл. – Сюда же захватчики идут!

– Помнишь, Найл? – не слушал его Симеон. – Помнишь, как мы по кварталу рабов к арсеналу крались? Как косили их жнецами? Как в Дельту летели? Теперь все, кончилась их власть! Свершилось! Ни одного не останется! Всех, всех в воду! Нахозяйничались!

– Хватит бояться, хватит упрашивать... – вторила ему Мерлью. – Свобода!

– Какая свобода, идиоты?! – взорвался правитель. – Смерть идет!

– Нам-то что? – рассмеялась принцесса. – Это смертоносцам смерть, а нам свобода! Люди ведь сюда идут, люди!

– Мерлью, – тихо спросил девушку Найл, – а разве может свобода прийти со стороны, на чужих мечях? А?

Улыбка на ее губах медленно померкла, но Мерлью упрямо покачала головой:

– А все равно я рада. Пусть теперь и восьмипалые от страха подрожат...

– Пусть, – согласился правитель города, – только нам от этого радости мало.

Глядя на молодых людей, перестал резвиться и Симеон.

– Вы чего, укуса глотнули? – поинтересовался он.

– Помнишь, что творилось в городе, когда все смертоносцы на несколько дней потеряли сознание? – напомнил ему Найл. – Так вот, вскоре этот «праздник свободы» наверняка повторится.

– Да? Да-а-а... – Медик задумчиво пожевал бледными губами и внезапно заторопился: – Вы извините, ребята, мне нужно бежать...

Он озабоченно покачал головой и засеменил к двери.

– Пожалуй, я тоже отзову гвардейцев с полей, – решила принцесса, глядя Симеону вслед. – Ничего там за пять дней не случится. – Она подошла к правителю, дотронулась до пальцев его руки: – Я очень рада, что ты вернулся. Но видишь, как... скомкалось...

Она вздохнула, потом решительно тряхнула головой и тоже вышла.

Подобная реакция принцессы ничуть не удивила правителя – в тот раз, когда почти все смертоносцы потеряли сознание, город напоминал человека, у которого выдернули скелет: стройная система, где каждый работник знал свое место и свое дело, мгновенно рассыпалась, люди стали собираться в агрессивные толпы, метаться по городу без конкретной цели, но с огромным желанием выместить на чем-нибудь искони заложенное в двуногих зло – закидывали камнями пауков, били стекла в его, Найла, дворце, пытались напасть на детский остров... Спасти положение удалось только чудом. И немалая роль в «сотворении чуда» принадлежала принцессе Мерлью, сумевшей быстро организовать из растерянных надсмотрщиц отряды гвардии порядка...

– Не желаете отобедать, господин мой? – как всегда бесшумно появилась Джарита.

– Нет, – отрезал Найл. При воспоминании о тех давних беспорядках в мозгу что-то колыхнулось, но правитель никак не мог ухватить ускользающую мысль за хвост. – Джарита, если я кому понадоблюсь, то буду у себя.

– Да, господин мой, – поклонилась служанка, однако Найл уже вышел в коридор.

В своей комнате Посланник Богини сдернул с кровати одеяло, постелил на пол. Край закатал валиком в ладонь толщиной и встал на колени, подсунув его под лодыжки. Руки положил на колени ладонями вниз и закрыл глаза.

Это была очень удобная, многократно проверенная поза: в ней не затекало тело и не уставали ноги. В такой позе можно находиться часами, ни на что не отвлекаясь.

Затем Найл очистил сознание. Получилось легко: в мозгу царил полный сумбур, никаких внятных или навязчивых идей там не крутилось.

А уж потом правитель попытался воссоздать образ города. Не почувствовать его, как это происходило, когда он расширял сознание, не обдумать происходящее, как делал он это в повседневной жизни, а, используя все знания, опыт, предположения и факты, собранные за год жизни в городе пауков (надо же, всего лишь год!), воссоздать его образ.

Увы, ничего не получилось – вместо единого образа всплывали отрывочные, хотя и логичные мысли: о том, что люди, прошедшие всю жизнь под постоянной угрозой насилия, не могут не питать ненависти к своим притеснителям; что смертоносцы являются, скорее, не скелетом, а нервной системой города – ведь именно они, внушая страх, заставляли население трудиться; именно они поддерживали молодость и здоровье гигантского организма, уничтожая всех, кто старше сорока лет, – жутко для каждого погибающего, но полезно для города в целом; именно они думали о полноценности народа, постоянно привнося в его жилы свежую кровь; именно они заботились о хлебе насущном для каждого и для каждого находили место приложения сил.

Как раз поэтому после возвращения Найла из Дельты в жизни города немного изменилось: разве изменится что-нибудь в организме кролика, если его печень и кишки объявить «свободными»?

Захватчики, как бы слитно и умело они ни действовали, подобным организмом не являлись. Это была группа отдельных личностей, которые согласовывали свои действия, стремясь к единой цели, но тем не менее оставались каждый сам по себе. Всякий из них продолжал бы нормально жить и в одиночку. А вот любой слуга или раб, стражница или охранница, оставшись одни, неминуемо погибнут.

Город-организм был достаточно крепок и живуч, он спокойно перенес и давнишние войны, и потрясения, связанные с кровавым бунтом самого Найла, и нападения хищников, и исчезновение на несколько дней почти всех смертоносцев, и перемены, принесенные дарованной людям «свободой». У города имелся вполне достаточный потенциал, чтобы противостоять пришельцам, – ведь жили здесь не только пауки, но и люди. Если продолжать противопоставления, то кучка захватчиков напоминала занесенный вирус, против которого нужно

было выработать иммунитет. Например, создать такую же смешанную армию. Оттянуть время, отобрать боеспособных людей, научить их тактике военных действий.

Беда заключалась в том, что никто из двуногих сражаться за пауков не хотел.

Являясь в действительности частицей единого организма, ни один человек этого не осознавал.

Город пауков располагал проверенными механизмами реагирования на любые нашествия, подобные нынешнему, – вырастить детей, воспитанных в духе преданности и стремления сражаться за смертоносцев, а затем швырнуть их в открытую схватку или забросить как лазутчиков. Но, расслабившись за столетия мирной жизни, смертоносцы давно перестали готовить людей-воинов. Даже охранники Смертоносца-Повелителя особой боевой подготовки не получали. И вот к чему это привело: готовить воинов из недавно рожденных детей сейчас нет времени, а среди взрослых добровольцев, способных стать бойцами, нет – откуда ж возникнет желание стать воином?

Правитель города встряхнулся, резко встал, подошел к окну и распахнул створки. Вместо ожидаемой прохлады с нагретой солнцем улицы пахло зноем. Внизу, сгибаясь под тяжестью большого кувшина, брел по пыльной дороге раб-водонос. Навстречу ему тащился под надзором молодой надсмотрщицы целый караван – восемь рабов, четверо носилок с нечистотами.

А ведь когда-то в городе были и водопровод, и канализация. Вернутся ли когда-нибудь эти времена?

Явятся сюда захватчики, истребят пауков, вроят на центральной площади свой тотемный столб – и заглохнут даже те немногие начинания, что дозволил Смертоносец-Повелитель: строительство библиотеки, чеканка денег, всеобщее образование. С исчезновением смертоносцев люди одичают вконец.

Пожалуй, только теперь Посланник Богини начал понимать истинную причину собственных переживаний. В отличие от всех остальных, он свою причастность к единому целому осознал.

– Нефтис!

За стеной послышалась беготня. Несколько минут спустя дверь распахнулась, и в комнату вошла начальница охраны.

– Звали, господин мой?

– Да, Нефтис, – повернулся Найл.

Девушка стояла на фоне темного проема двери, и правитель города безо всяких усилий увидел ее ауру. Светло-голубая вокруг ног и верхней части тела, в середине она почти полностью стала серебряной. «Ребенок растет», – понял Найл и помимо воли спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, господин мой! – отрапортовала главная стражница.

– Скажи, Нефтис, – опять отвернулся к окну правитель, – а ты согласишься сражаться за пауков?

– Как прикажете, господин мой! – без запинки отчеканила девушка.

– Понятно, – кивнул Найл.

Стражница давным-давно решила для себя все вопросы: думать не ее дело, она должна исполнять.

– Я хочу поблагодарить тебя за встречу на излучине. Ты меня очень выручила.

– Я рада... господин мой... – Готового «клише», чтобы ответить на благодарность, стражница не знала и зарделась, словно девчонка, а не суровый воин.

– Хорошо, – тепло улыбнулся Найл. – А теперь скажи, смертоносцы не сняли почетного караула у дверей моего дворца?

– Нет, господин мой.

– Тогда спустись, пожалуйста, и скажи им, что я хочу увидеть Дравига.

Старый смертоносец явился спустя считанные минуты, будто за дверью ждал. Точнее, за окном – Дравиг возник именно оттуда.

– Ты звал меня, Посланник Богини?

– Да. – Найл выглянул наружу. Ничего особенного, второй этаж.

– Мне необходимо очень многое сделать до предстоящей битвы, – попытался смертоносец оправдать столь необычный для него выбор входа.

– Значит, вы решили сражаться?

– Да, Посланник Богини. – В решительном его ответе ясно проглядывало упрямство.

– И с честью погибнуть?

Седой паук настороженно молчал. Он был слишком умен, чтобы спорить со столь очевидной истиной, слишком хорошо знал правителя города, чтобы заподозрить издевку, однако и на похвалу заданный вопрос никак не походил.

– Ты говорил, Дравиг, – напомнил Найл, – тебе обидно за предков, которые сражались и умирали, совершали открытия и принимали невыносимые муки, за предшественников, которые потратили столько сил на создание нашей цивилизации. С гибелью вашего рода все их старания окажутся бессмысленными.

– Тебе известен другой выход?.. – Примерно такой фразой можно было бы перевести яркий образ в сознании смертоносца: сквозь внезапный пролом в стене душного и темного каменного мешка пробился солнечный свет.

– В военном деле есть только три способа действий, – покачал головой правитель. – Сражаться, сдаваться или отступить. Я не могу изобрести ничего нового. Если вступить в битву, то смертоносцев перебьют, город захватят, а я уйду жить обратно в пустыню – не хочу становиться чьим-то рабом. Если сдать, то городу придется существовать по чужим законам, с чужими правителями. Смертоносцу-Повелителю в этом городе места не останется, заветы ваших предков будут отброшены... Да и Посланник Богини окажется тут ни к чему. Нам остается только один путь...

– Нет, – сразу окрысился смертоносец, – мы не можем уйти! Здесь находятся наши самки и дети, наша память, здесь живет Смертоносец-Повелитель. Это наш город!

– Пока ваш, – оборвал его правитель.

Дравиг недовольно умолк. По счастью, даже в гневе старый паук не забывал, что перед ним Посланник Богини.

– Мы живем в странном мире. – Найл присел на подоконник и расслабленно откинулся на оконную раму. – Здесь думают все – люди, пауки, компьютеры, жуки. Все занимаются этим с детства и считают само собой разумеющимся. Мало кто знает, что думать тоже надо уметь.

Начальник охраны Смертоносца-Повелителя прислал гордый импульс согласия.

– Ты только что сообщил мне, почему смертоносцы не могут покинуть город. А теперь ответь, что нужно сделать, чтобы они смогли это сделать.

Как и подозревал Найл, пауки просто не думали об этом – он явственно ощутил изменения в сознании собеседника.

Самок и детей можно просто взять с собой – новорожденные настолько малы, что их веса никто не ощутит, а паучихи даже выносливее самцов. Рабов, чтобы обеспечить переход, выросло достаточно. Созывать пауков не нужно, почти все в городе. Но вот память взять с собой невозможно.

Прошлое смертоносцев хранилось в потаенных пещерах под землей: ветхие тела давних правителей и их помощников лежали под охраной могучих восьмилпых хранителей, которые в случае надобности накачивали покойных живой энергией, вырывая их из потустороннего мира. Время от времени пауки общались с самыми мудрыми и великими из своих предков, узнавая о древнейшей истории рода, спрашивая их совета.

Для смертоносцев это была их история, их гордость – то же, что для людей легенды и былины, книги и мнемокристаллы. Отними – и они, как рабы, станут существами без роду и племени.

– Но зачем тащить предков с собой? – пожал плечами Найл. – Раз они находятся в потаенных пещерах, нужно, наоборот, замаскировать их еще лучше. Обеспечить хранителей пищей и замуровать убежища. Освободим, когда вернемся.

– А если мы не сможем вернуться? – озаботился паук.

– Значит, мы недостойны их памяти, – отрезал правитель, и после недолгих колебаний Дравиг согласился с Посланником Богини.

Оставался Смертоносец-Повелитель.

Он никогда не был реальным существом. Образ властителя восьмилапых создавали объединенные сознания нескольких старых паучьих самок. Они жили в тишине, полумраке и полном покое в самом сердце древнего дворца, под охраной многочисленных пауков и специально выращенных женщин-охранниц, воспитанных в духе самоотверженности и послушания. Трудно себе представить, каким окажется Смертоносец-Повелитель, если паучихи будут открыты всем ветрам и солнцу, всем опасностям далекого путешествия.

– Спроси об этом его самого, – предложил правитель города.

Дравиг застыл на широко расставленных лапах, словно окаменел, и только ветер, пробивающийся через распахнутое окно, легко шевелил коротенькие седые ворсинки, покрывающие его тело.

Прошла минута, другая. Полчаса, час. Два часа. Смертоносец не шевелился.

Правитель успел отсидеть на подоконнике ноги, всласть налюбовавшись лениво бродящими внизу людьми, перегревшимися за день на солнце; побродил перед Дравигом от стены к стене; от души насиделся в затененном уголке. В конце концов от жажды запершило в горле. Найл обошел недвижимого гостя, выглянул в коридор и попросил пробежавшую служанку принести разбавленного вина. Вместо молоденькой девчонки явилась вскоре Джарита – с подносом, уставленным разнообразной снедью. Увидев румяное песочное печенье и хрустких, поджаристых мышек, правитель города ощутил приступ жуткого голода и, промочив для начала горло бокалом вина, принялся уплетать за обе щеки прямо с подноса. Поест в комнате Найл не мог – смертоносцы не выносят зрелища человеческого насыщения, а уходить от Дравига он не хотел.

В сумраке коридора служанку окружала ясно видимая розовая аура. Поначалу Найл привычно не обращал на нее внимания, пока вдруг не понял: что-то тут не то...

Правитель взял в руки поднос, отступил, окинул девушку внимательным взглядом. Внизу живота разрасталось пока еще совсем небольшое – с ладонь – серебряное пятнышко.

– Джарита... Так ты беременна?

– Почему вы так решили, господин мой?

Служанка, воспитанная еще пауками на детском острове, – как, впрочем, и остальные женщины города пауков, – не знала никаких признаков беременности, кроме изрядно округлившегося живота. Удовольствие от связи с мужчиной и последующее рождение ребенка в ее голове тоже никак не связывались: смертоносцы предпочитали не забивать мозги слуг подобными пустяками. Для человека главное – подчинение, безропотное и бездумное.

Из-за двери донесся шорох.

– Можешь мне поверить, – вернул Найл служанке поднос и вернулся в комнату.

– Смертоносец-Повелитель просил задать тебе вопрос, Посланник Богини, – повернулся к нему Дравиг. – Куда мы собираемся уходить?

Раздумывать тут было не о чем: Найл знал только одно место, помимо самого города, способное прокормить сотни голодных ртов.

– В Дельту.

– Ты собираешься просить о помощи Великую Богиню? – испустил радостный импульс паук.

До сих пор подобная возможность правителю в голову не приходила, тем не менее он кивнул.

* * *

Дом принцессы Мерлью разительно выделялся на фоне окружающей разрухи: уютный двухэтажный особнячок в центре цветущего сквера, отделенного от пыльной улицы невысокой оградкой. Хозяйка сидела за столом, который как раз уместился между холмиком, усыпанным лазоревыми васильками, и прудиком, где цвели три чуть розоватые лилии. Руки откинувшейся в кресле девушки осторожно удерживали ветхий томик с блеклым тиснением «Весенняя война» на потемневшем от времени переплете.

– Читаешь?

Мерлью вскинула голову, улыбнулась. Изящным мимолетным жестом она проверила сохранность пышно взбитой прически, взяла со стола колокольчик, позвонила.

– Савитра, принеси нам, пожалуйста, вина. – Принцесса повернулась к правителю: – Ты не откажешься немного перекусить? Тогда, Савитра, прихвати еще жареных мушиных яиц и фрукты.

– Зачем сразу вино? – удивился Найл. – Я ведь не Симеон, вполне могу несколько минут обойтись и без него.

Девушка рассмеялась.

– Присаживайся сюда, Найл. Я рада, что ты меня навестил. – Мерлью закрыла книгу, осторожно положила ее на стол. – Знаешь, как-то странно читать о том, что люди воевали между собой, ездили на лошадях – это такие крупные четвероногие, вроде гигантских кроликов, – и никак не замечали ни жуков, ни пауков, ни прочих насекомых. Что их занимало только любовь, убийства да какие-то границы между странами. Одного не могу понять – как они определяли «национальности»... Тарды, цереты, асены – чем они отличались? Ведь все они – люди!

– Но жили в разных странах.

– Ну и что?

– Это действительно неважно. Важно, что они считали себя разными. Люди осознавали свою принадлежность к тому или иному народу и стремились действовать на пользу тех, кого почитали близкими по нации, забывая о принадлежности к человечеству. А в общем, разница, разумеется, надуманна.

– Не уверена, – покачала головой принцесса. – Черный и обычный скорпион различаются в размерах раз в пять. А ведь люди тоже были белые и черные.

– Когда страны воевали между собой, то подсылали друг другу своих шпионов, – парировал правитель города. – Не зная, что перед ними чужой лазутчик, все принимали его за соплеменника. Как ты думаешь, черного и серого скорпионов можно перепутать?

– Скажешь тоже, – рассмеялась девушка и переложила книжку поближе к себе, освобождая место.

Подошедшая Савитра принялась ловко накрывать на стол. Принесенные ею фрукты выглядели так аппетитно, что Найл не устоял, взял крупный румяный персик и откусил большой кусок. По подбородку потели сладкие струйки.

– Аппетитно у тебя получается, – покачала головой принцесса. – Позавидуешь. Налей мне вина.

– Сейчас...

Найл вытер ладонью подбородок, отложил надкушенный персик и взялся за графин.

– За встречу, – предложила Мерлью, глядя на гостя сквозь бокал.

– За встречу, – согласился правитель, сделал небольшой глоток и перешел наконец к цели своего визита: – Скажи, ты еще не бросила строительства библиотеки?

– Я всегда довожу начатое до конца. В библиотеке почти полностью закончен второй этаж, и вскоре каменщики возьмутся за третий.

– Это хорошо, – кивнул Найл, глотнул еще вина и попросил: – Пошли завтра всех каменщиков и знакомых со строительными работами «неголосующих граждан» к Черной башне. Там их встретят пауки и отведут на место новой работы.

– Какой работы? – лениво поинтересовалась принцесса.

– Им все скажут, – ответил Найл.

Они с Дравигом решили, что сегодняшние день и ночь будут отведены на сбор запасов продовольствия для остающихся хранителей – оба прекрасно осознавали, кому предстоит стать живыми «консервами», но этот вопрос, по обоюдному молчаливому согласию, предпочли не затрагивать. Утром к Черной башне придут строители, пауки отведут их к входу в тайник, и «память» смертоносцев будет надежно замурована. А потом...

– Только я тебя очень прошу, Мерлью, – положил Найл ладонь ей на руку. – Не ходи с ними, не пытайся помогать или советовать, или просто любопытствовать, что там происходит. У меня такое чувство, что людей этих больше никто никогда не увидит.

– А... а кто будет достраивать библиотеку? – растерялась от неожиданности принцесса.

– Да, кстати, спасибо, что напомнила. Вместе со строителями отправь к Черной башне все собранные тобой книги.

– Но почему? Что происходит?! – повысила голос Мерлью.

– Потому, что я так приказал, – возможно спокойнее ответил Найл. – Ведь я пока еще Посланник Богини и правитель города. Ты не забыла?

– Да-да, конечно.

Принцесса взяла себя в руки и потянулась за бокалом – три-четыре глотка дадут немного времени на раздумье.

В городе происходило нечто важное, о чем она не имела ни малейшего представления. До сих пор принцесса не показывала своей власти, оставаясь пока на вторых ролях. Но все решения Совета, почти все указания правителя города и некоторые из приказов Смертоносца-Повелителя исполняла именно она. А иногда и не исполняла – и это молчаливо признанное право не только заставляло считаться с нею членов Совета Свободных Людей, но и приносило уважение повелителя пауков. Найл тоже знал о присвоенной Мерлью власти единолично выбирать – что принимать к исполнению, а что нет, но относился к этому с изрядной долей добродушия: отчасти из-за давней дружбы с принцессой, отчасти от сознания собственной силы, отчасти от понимания полной дебильности многих из решений Совета.

В один прекрасный день Мерлью стала бы властительницей города открыто – или став женой Посланника Богини, или каким-нибудь другим путем; но тут вдруг такой вроде бы открытый и доброжелательный Найл вкупе с пауками затевает нечто, о чем даже не собирается ставить ее в известность! Почему? Неужели ее задумали оттеснить от принятия решений, от реальной власти?

Нет, Найл не читал мыслей принцессы Мерлью – все это достаточно ясно проступило у нее на лице.

– Скажи, – поставила девушка на стол свой бокал, – а как мне можно будет поменять прочитанную книгу на новую?

– Ай-яй-яй, – покачал головой правитель. – Я ведь просил не пытаться узнать, что происходит! Похоже, твое любопытство сильнее инстинкта самосохранения.

– Разве в этом городе мне может что-нибудь угрожать? – приподняла брови принцесса.

– Пока нет.

– Пока? – склонив набок голову, уточнила девушка.

– Не мучайся. – Найл допил вино и решительно встал. – Просто через два дня мы со смертоносцами уходим из города.

– Куда?

– Просто уходим. Я уговорил пауков не устраивать никакой битвы. Ведь всех их наверняка перебьют. Они согласились отступить, и я ухожу с ними.

– Но почему?!

– Ты же знаешь, я побывал у захватчиков в плену. – Найл усмехнулся. – Так вот, теперь я куда больше сознаю себя одним из смертоносцев, нежели одним из двуногих.

– А людей ты заберешь с собой?

– Нет. Не имеет смысла. Пойдут только те, кто, как и я, пришельцам предпочитает общество пауков. Это охрана Смертоносца-Повелителя и все желающие из жителей – я приказал Нефтис оповестить горожан. Возможно, со мной отправятся моя стража и служанки.

– Но почему я ничего не знаю?

– Возможно, Нефтис просто постеснялась к тебе зайти, – пожал плечами Найл.

– Понятно... – задумчиво кивнула Мерлью и тоже встала из-за стола. – Слушай меня, правитель. В пустом складе рядом с выходом на заброшенную дорогу лежит вяленая рыба. Та самая, которую мы собирались продать в городе людей. Забери ее, она наверняка вам пригодится.

– Спасибо... – Найл немного помолчал. – Знаешь, Мерлью, ты самая прекрасная из всех женщин, каких я только видел...

Повинуясь внезапному порыву, девушка кинулась к нему, обхватила за шею и припала к губам. На глазах ее блеснули предательские слезы.

Поцелуй получился каким-то корявым, неуклюжим. Мерлью немного отодвинулась, внимательно взглядываясь в его лицо.

– Значит, мы с тобой больше не увидимся? Никогда?

– Никогда... – Голос правителя дрогнул.

Девушка опять прильнула к нему солеными губами. Оторвалась. Вместо слез в глазах ее вспыхнули азартные огоньки.

«Если смертоносцы и Посланник Богини уходят, значит, в городе остается только одна власть!» – без труда угадал ее мысли Найл, резко развернулся и быстро пошел по дорожке, усыпанной ярким оранжевым песком.

Однако добраться до дома Посланнику Богини не удалось. На полдороге его обогнал, вздымая легкую серую пыль, юркий молоденький паучок, совершенно незнакомый с принятым в городе этикетом – ни ритуального приседания, ни уважительного приветствия.

Обижаться правитель не стал. Слишком уж жестокие потери понесли смертоносцы, чтобы было время учить выходящих в мир детей всем тонкостям поведения.

Паучок проскочил вперед шагов на двадцать, резко развернулся и помчался прямо на правителя, словно не видел никого перед собой. Найл совсем было собрался стукнуть наха-ленка своей волей, как вдруг восьмилапый торопыга резко остановился, клюнув носом, и коротко выстрелил:

– Дравиг просил всех уважаемых смертоносцев явиться во дворец Повелителя. – И Найл ни на секунду не усомнился, что послание предназначено именно ему.

В душе появился холодок. Визиты к Смертоносцу-Повелителю никогда не вызывали у Найла радости, тем более в тревожные дни. Удивляло то, что приглашение передано от имени начальника охраны, а не самого властителя пауков. Тем не менее правитель города сразу развернулся и даже ускорил шаг.

Почетный караул у дворца отсутствовал, но Дравиг гостя встретил – иначе пришлось бы Найлу пробираться через коридоры на ощупь.

Под стеклянным куполом главного зала густо пахло креозотом – в покои Смертоносца-Повелителя набилось просто невероятное количество восьмилапых. Пауки стояли на полу, висели на стенах, даже забрались на потолок. Здесь царила тяжелая, давящая тишина, и Найлу она очень не понравилась.

– Рад видеть тебя, Посланник Богини, – услышал правитель города и с удивлением увидел, как все, все пауки зашевелились, выполняя ритуальное приветствие.

– Я тоже рад тебя видеть, Смертоносец-Повелитель, – ответил Найл.

– Ты вошел в наш город как пленник, человек. Потом стал врагом, потом беглецом. Потом – Избранным. Посланником Богини. Теперь я доверяю тебе свой народ, его жизнь, его будущее. Будешь ли ты заботиться о нем, как заботилась Великая Богиня Дельты, уделишь ли ему столько же заботы, сколько уделял своему народу, не будешь ли предпочитать паукам своих кровных братьев?

– Для меня нет разницы между пауком и человеком. – Еще не до конца понимая, к чему клонится эта напыщенная речь, Найл ответил четко и однозначно, подкрепив свои слова коротким: – Клянусь!

– Отдашь ли ты для общего блага все свои силы и свою волю?

– Клянусь! – повторил Найл.

– Я верю, – с явной горечью сказал Смертоносец-Повелитель. – Прощай.

Наступила пустота.

Все пауки вновь опустились в ритуальном приветствии и замерли.

– Дравиг, что происходит? – осторожно спросил Найл.

– Смертоносца-Повелителя больше нет, – грустно ответил начальник охраны.

– Как?!

– Он стал памятью.

– Памятью... – невольно повторил правитель, и тут до него дошло...

Поняв, что они не могут оставаться во время похода Смертоносцем-Повелителем, самки, составлявшие его суть, решили уйти в подземелье и присоединить свою память к памяти тех десятков древних правителей, которые уже обрели вечный покой. Отныне они тоже стали частью прошлого. Завтра утром придут строители и замуруют вход в тайник. С этого мига Смертоносца-Повелителя больше не существует – он пожертвовал собой, давая шанс на спасение своему народу.

Смертоносец-Повелитель никогда не был добр ни к Найлу, ни к другим людям, но всегда играл в их жизни немалую роль. С исчезновением властелина пауков уходила и частица человеческой истории. Именно поэтому, а не из вежливости правитель печально склонил голову и присоединил к общей грусти свою леггу.

Легко колыхнулись паутинные тенета в глубине зала, из-за них появились десятка полтора старых, совершенно бесцветных паучих и потянулись к выходу. Густая толпа, набившаяся в зал, не представляла для них препятствия – самая крупная из самок не превышала размером кошку и без труда проходила под брюшками недавних подданных, между широко расставленных ажурных лап. Ни единая мысль не колыхнула тишины дворца – ведь самки были фактически мертвы, хотя и двигались к своим будущим могилам на собственных ногах.

Смертоносец-Повелитель умер.

* * *

Яркое солнце внезапно выдвинулось из-за серебристого от инея дома и больно хлестнуло Посланника Богини по глазам. Найл отступил от окна, под которым гомонила толпа почти из четырех сотен людей, и повернулся к Нефтис:

– Неужели мы все-таки успели?

– Да, господин мой. – Тут начальница стражи ехидно усмехнулась: – Вот только Джарита опять про что-то забыла и побежала забирать.

– Значит, успели... – Правитель опять высунулся в окно и посмотрел на небо.

Там, покачиваясь на высоте легких перистых облаков, улетал паучий шар. Вчера вечерний разведчик передал, что захватчики идут намного быстрее, чем он надеялся, и уже пересекли каменистую долину. Очень может быть, что сейчас, в этот самый момент, пришельцы уже вступили на зеленые крестьянские поля. А может, еще спят где-нибудь на полупереходе...

В любом случае догнать отступающих они уже не смогут.

– Прикажи выступать, – скомандовал Найл и добавил, глядя на синяки под глазами стражницы: – Сама поезжай в моей коляске. Всю ночь небось не спала.

– Я могу идти, – запротестовала Нефтис.

– Можешь, – согласился Найл, – но будешь спать. Я приказываю. Он махнул рукой:

– Все! Отправляемся...

Колонна, двигаясь по пять человек в ряд, медленно выбралась из двора и потянулась по улице.

Город притих. Жители затаились по домам, настороженно глядя из пустых окон на уходящих. Никто не желал добровольно присоединиться к сторонникам смертоносцев.

Хотя нет – из боковой улочки вывернул паренек с котомкой за плечами и пристроился сбоку колонны. Через некоторое время добавились еще двое.

Найл нагнал их и осторожно коснулся сознания.

Оказывается, эта парочка научилась неплохо тачать обувь и теперь боялась, что пришельцы опять превратят их в разносчиков еды для рабов или вообще рабами сделают. Предпочли уйти с пауками, которые дали хоть какую-никакую свободу.

А вот одинокий паренек вообще увязался из-за любви к одной из стражниц. Предпочел смерть в пустыне, но рядом с любимой. Надо сказать, за год жизни в городе правитель впервые узнал, что слуги смертоносцев способны на это чувство.

Вот к колонне добавился еще один человек. Выяснять его мотивы Найл не стал, повернул назад, высмотрел свою коляску. Нефтис сидела там и уже спала, откинув голову и широко раскрыв рот.

– Джарита! – остановил правитель служанку. – Давай-ка тоже забирайся в повозку. Теперь тебе можно отдохнуть.

Девушка не заставила себя упрашивать и вскоре сладко посапывала рядом со своей извечной соперницей. Найл с завистью вздохнул и направился в голову колонны. Ему отсыпаться еще рано.

Последние дни правитель города был занят без продыху: он заставил прижимистую Джариту переодеть челядь во все новое, сменить обувь, а из имевшейся во дворце ткани сшить заплечные мешки. Правитель самолично объяснял, как правильно укладывать поклажу и что собирать в первую очередь. Забрать с собой Найл стремился как можно больше. Все ножи, инструменты, просто металлические поделки – в обязательном порядке; все емкости, какие только можно заполнить водой, тоже. Посуду, лампы, одеяла, котлы и котелки, нитки и веревки, выделанные кожи. За еду правитель, спасибо принцессе, не волновался – перенесенных во двор запасов вяленой рыбы должно хватить на всех с тройным запасом, но ведь ее, как и остальные продукты из кухонных кладовых, нужно еще унести. Памятуя свою недавнюю прогулку за солью, на повозки Посланник Богини особо не рассчитывал и нагружать не стал.

Хотя Найл звал с собой только желающих, в поход собрались все обитатели дворца – до последнего человека. И тем не менее рук не хватало – уж очень многое хотелось унести. На второй день Посланник Богини отправился искать Дравига.

Старый смертоносец находился, разумеется, у Черной башни. Вход в подземелье был уже замураван, но паук тем не менее не уходил, пребывая в осязаемом издалека сомнении. От раздумий смертоносца не могла отвлечь даже царящая вокруг суета.

На площади перед башней колыхался в руках слуг полунадутый белый шар, от которого одуряюще воняло тухлятиной – порифиды постарались. Рядом, уже забравшись в плетеную корзину, ждал некрупный паук-разведчик. Подчиненные Асмака, начальника воздушной разведки, в состав армии не входили и потерь почти не понесли.

Некоторое время Найл с интересом наблюдал за стараниями воздухоплателей, потом осторожно их обогнул и приблизился к начальнику охраны Смертоносца-Повелителя. Хотя... где теперь Смертоносец-Повелитель?

– Рад тебя видеть, Посланник Богини. – Помимо обычного «здравствуй» этот импульс нес смысл: «Хорошо, что ты пришел».

– Рад видеть тебя, Дравиг, – склонил голову Найл. – Собираетесь отправить шар?

– Да. Нужно узнать, как близко подобралась пришьельца. Разведчики будут отправляться каждые полдня – до тех пор, пока враги не ворвутся на наши земли. Потом Асмак со своими пауками нас догонят.

– Хорошо.

Найла поражало спокойствие смертоносцев. Ведь почти никто из улетающих разведчиков назад не возвращался. И тем не менее десятки, если не сотни шаров каждый год отправлялись в полет. Что это? Полное презрение к жизни или уверенность в том, что со смертоносцем нигде и ничего случиться не может, что ему, царю природы, никто и ничто не посмеет угрожать?

– Ты ведь посещал пещеру памяти, Посланник Богини? – перебил мысли правителя Дравиг. – Взгляни, достаточно ли надежно она укрыта от врагов?

Ход в тайник вел прямо из башни. Если, спускаясь со смотровой площадки, проморгать дверь на улицу, то по винтовой лестнице можно идти и идти вниз, пока ступеньки не приведут в сухую низкую пещеру, которая в конце концов и выведет в широкую полость – туда, где с неусыпной заботой хранятся тела почивших правителей. Из этой полости выходит несколько тесных лазов... Впрочем, сейчас это не имеет значения. Найл коснулся стены, сложенной из щедро облепленных паутиной камней – липкая, – и повернулся к смертоносцу:

– Скажи, Дравиг, а что ты подумаешь, если начнешь спускаться по старой, нахоженной лестнице и вдруг наткнешься на новенькую, только что возведенную стену?

– Считаешь, они догадаются? – понял паук. – Что же тогда делать?

– Прикажи засыпать лестницу от дверей досюда камнями, землей и хорошенько утрамбовать. Пусть сразу за входом в башню будет пол. А угол над тайником не мешаешь превратить в мусорную кучу и хорошенько загадить, чтобы ни у кого не возникло желания ковыряться.

– Ты умеешь отлично маскироваться, Посланник Богини! – повеселел смертоносец.

– Еще бы, – улыбнулся в ответ правитель, – столько лет от вас в пустыне прятался.

Особой гордости перед пауком он не испытывал – восьмипалые не умеют строить, не умеют мастерить, не пользуются инструментами. Откуда им знать подобные хитрости? Зато они хорошо умеют охотиться...

– Пришли завтра утром полсотни рабов в мой дворец, Дравиг. У меня не хватает людей, чтобы унести всю поклажу.

Чисел смертоносец не знал, и Найл мысленно представил себе небольшую группу «неголосующих граждан». Дравиг откликнулся картинкой, изображающей толпу раз в пять больше. Именно столько двуногих пауки собирались взять с собой.

– Могу прислать всех, – предложил смертоносец.

– А разве они не несут никакой поклажи? – осторожно поинтересовался правитель. Паук вопроса просто не понял.

Та-ак... – Найл мысленно выругался. – А как собираются в дорогу ваши охранницы?

– Они возьмут что-нибудь с собой, – выразил полное безразличие к судьбе женщин Дравиг, мгновенно почувствовал недовольство Посланника Богини и забеспокоился: – А разве я должен был думать о подготовке вместо них?

– Нет, не должен, – признал Найл. – Но, боюсь, они совсем не представляют, насколько трудный путь нас ждет.

– Ты хочешь дать им совет?

– Одним советом тут не обойтись... – задумался правитель города. – Сделаем так: передай им приказ беспрекословно подчиняться Джарите и Нефтис. У моих служанок уже есть некоторый опыт, они помогут. Я пришлю их, как только вернусь к себе.

– Смертоносца-Повелителя больше нет, охранницы ему не нужны, – не стал спорить Дравиг. – Забирай их себе.

Сейчас эти крайне недовольные подобным оборотом событий женщины шли впереди колонны изрядно нагруженными. За вчерашний вечер и ночь служанка и начальница стражи перешерстили бывший дворец Смертоносца-Повелителя сверху донизу и собрали-таки в дорогу почти полсотни охранниц. Насколько успешно – время покажет.

Главное: они успели.

* * *

Колонна втянулась в Запретные развалины.

Собственно, развалин здесь не было – только заплывшие землей фундаменты, присыпанные осколками пожелтелой от времени пластмассы.

Возможно, раньше здесь стояли деревянные дома, возможно – из металла и пластика. Во всяком случае, долговечностью эти постройки не отличались. Некоторые фундаменты превратились в глубокие ямы, в которых между редкими дождями не пересыхала вода. Вокруг таких пышно разрастались кустарники, высокие травы, яркие цветы. Однако большинство бетонных остовов стали ямками мелкими и сухими, очень подходящими для засады смертоносца. Прятавшиеся здесь пауки без колебаний кидались на все живое, что только видели, – пару раз атаковали даже жуков-бомбардиров – и вскоре отбили у жителей города всякое желание показываться вблизи этих мест. Хотя формально посещать развалины никто не запрещал, за ними твердо закрепилось название Запретных.

В свое время Найл собирался выяснить, откуда взялась в столь опасном районе хорошо натоптанная дорога и куда она ведет, но как-то руки не дошли. Сейчас, опасливо поджимаясь к середине, по этой дороге шла колонна беженцев. Вопреки ожиданиям правителя, по пути через город к ним присоединилось не меньше полусотни человек. Похоже, не он один считал себя ближе к паукам, чем к двуногим пришельцам. Правда, большинство из них отправились в поход налегке, и Посланник Богини уже начинал нервно прикидывать, хватит ли на всех припасов.

Серая масса справа появилась внезапно, словно выросла из-под земли, и стала быстро приближаться, вздымая облака пыли.

– Неужели захватчики прорвались? – бросило Найла в холодный пот, но тут в его мозгу прозвучало: «Рад видеть тебя, Посланник Богини!» – и правитель с облегчением выругался. – И я тебя, Дравиг!

Пауки остановились рядом с дорогой, пыль отнес ленивый утренний ветерок, и Найл впервые в жизни увидел новорожденных паучат. Совсем маленькие, с большой палец руки, бледные, они густо теснились на голове самой ближней к нему самки. Больше всего правителя поразило, что эти крохи шевелились. На соседней паучихе сидели малыши размером с ладонь. На голове они, естественно, не помещались и облепляли спину и верхнюю часть брюшка.

Найл поднял взгляд: сотни и сотни паучих покрывали развалины, а на их серых спинах копошились мелкие светлые существа. Море... Где же смертоносцы прятали такое количество матерей? Теперь уже никогда не узнаешь.

– Мы отправляемся, Посланник Богини?

Самого Дравига Найл не видел, но, судя по ясной слышимости, старый паук находился поблизости.

– Да, сейчас.

Посланник Богини обернулся бросить последний, прощальный взгляд на город.

Линию горизонта закрывали полуразрушенные дома, выступающие над землей на два-три этажа. Кое-где виднелись почти уцелевшие строения высотой этажей в шесть-семь; еще над общей линией поднимались три купола. Один – дворца Смертоносца-Повелителя, два других – над непригодными для жилья строениями. Ярким золотым светом сиял верх Белой Башни. Найл вспомнил, что так и не попрощался с творением Торвальда Стиига, но теперь было уже поздно.

– Мы отправляемся, Посланник Богини?

– Подожди, кажется, еще кто-то идет...

Поначалу показалось, что к изгнанникам собрались присоединиться жуки-бомбардиры, но когда появившаяся на дороге группа приблизилась, Найл разглядел еще полсотни людей, одетых в темные с отливом туники. Три повозки. Две загружены так, что узлы увязаны выше человеческого роста, в третьей сидят двое.

Симеон и принцесса Мерлью!

Правитель ощутил, как сердце кольнуло внезапной ревностью – опять эти двое рядом!

Найл пошел догоняющим навстречу, вклинился в самую середину, придирчиво оглядывая женщин. Каждая была с небольшой, плотно прилегающей к спине котомкой, каждая одета в длинную синеватую тунику, каждая с платком на голове, у каждой на поясе нож и наполненный чем-то жидким кожаный бурдючок. От узлов на повозках явственно пахло копченостями. Молодец принцесса, в организаторских способностях не откажешь. За ее людей можно не беспокоиться.

Не считая гужевых, в группе оказалось еще пятеро мужчин.

– Здравствуй, Савитра, – кивнул Найл служанке и положил руку на поручень коляски. – Никак ты решила присоединиться ко мне, Мерлью?

– Для смертоносцев я принцесса, для пришельцев буду всего лишь одной из пленниц, – бесхитростно ответила девушка. – О чем тут думать?

– Вот видишь, ты тоже сочла себя ближе к паукам, чем к людям.

– Я все равно рада, что смертоносцам надавали по головам, – злорадно улыбнулась принцесса. – Но так уж получилось, что судьба повязала меня именно с восьмипалыми.

– А ты, Симеон? Тебя тоже «судьба повязала»?

– Глупый вопрос. – Медик почесал нос желтым пальцем с длинным грязным ногтем. – Толпа народу и ни одного врача. Что мне оставалось делать?

Принцесса Мерлью с легкой усмешкой уставилась в небо.

– Ты один? – уточнил правитель, почуяв, что тут что-то не так.

– Нет, со мной еще несколько сестричек пошли. Принцесса их в свои одежды передела.

– Собиралась специальную форму для гвардейцев сшить, – вмешалась девушка. – А они, дуры, почти все уходить не захотели. Чего хорошим туникам пропадать?

– В общем, ты, конечно, права. Да вот только цвет... – Найл замялся, ища не очень грубое определение. – Темноват для пустыни.

– Во-первых, ткань плотная, и от солнца защитит, и от ночного холода спасет, – гордо вскинулась Мерлью, – во-вторых, пришлось шить из чего есть.

Между тем сама принцесса предпочла легкое алое платье из паучьего шелка, в уши вдела рубиновые сережки, а волосы украсила коралловой диадемой.

– Мы отправляемся, Посланник Богини? – в третий раз переспросил Дравиг.

– Да. – Найл бросил прощальный взгляд в сторону города и коротко кивнул: – Мы отправляемся.

* * *

Основная масса смертоносцев двигалась впереди, за ними – паучихи со своими чадами, потом бывшие охранницы Смертоносца-Повелителя, дальше – стражницы Посланника Богини вместе со служанками, затем две сотни рабов, и замыкала походную колонну темная свита принцессы. Найл с немалым сомнением поглядывал на явно перегруженные повозки, но пока под колеса ложилась древняя дорога, выстланная твердым серым камнем, им ничто не грозило.

Убедившись, что здесь все в порядке, Посланник Богини ускорил шаг и вскоре нагнал смертоносцев.

– Ты ищешь меня, Посланник Богини? – услышал он вопрос Дравига и кивнул:

– Да, хочу знать, куда ты нас ведешь.

– Сейчас мы идем по древней дороге, на которой не остается следов. А когда ты прикажешь, мы повернем и двинемся в сторону Дельты.

– Ты знаешь дорогу, Дравиг?

– Нет. Только направление, в котором Дельта находится.

– Плохо.

В рядах пауков произошло шевеление, задние самки расступились, и между ними протиснулся старый смертоносец.

– Рад видеть тебя, Дравиг.

На секунду паук смешался, но быстро сообразил, что до этого момента Найл его «слышал», но не видел, и прислал импульс согласия с легкой извинительной интонацией.

– Ничего страшного, – кивнул в ответ правитель. – Ты знаком с Дельтой?

– Нет, Посланник Богини.

– Я тоже был там лишь однажды, – вздохнул правитель. – А вот мой отец раза три.

– Отважный человек, – почтительно откликнулся восьмилапый.

Найл усмехнулся. Если для пауков Дельта оставалась священным местом, где обитала Великая Богиня, то для жителей пустыни – родиной ортиса, цветка, чей сок позволял затуманивать сознание и скрываться таким образом от вышедших на охоту смертоносцев.

– Это было еще до заключения Договора, – напомнил Дравиг.

– Я вспомнил это не в укор тебе, – покачал головой правитель. – Просто мой отец ходил в Дельту пешком. Они с братом обходили город намного севернее, через пустыню добирались до Ближней реки и по ней спускались до Дельты. Когда туда отправлялись мы со слугами жуков, то на воздушных шарах перелетели через море, через устье Ближней, и опустились прямо возле устья Темной, а уже оттуда через джунгли пробивались к Великой Богине. Должен сказать, нас ждет немало хищных и ядовитых деревьев, огромные и жуткие чудовища, весьма опасные зеленые двуногие твари и гусеницы размером с Черную башню. Путешествие по Дельте отнюдь не напоминает прогулку, все живое там очень велико, агрессивно и энергично.

– Ты хочешь напугать меня, Посланник Богини?

– Нет. Я хочу сказать, что идти прямо в Дельту неудобно, нам придется очень долго и трудно пробиваться через джунгли к реке. Жалко, что мы не на кораблях. Моряки вывезли бы нас в устье Темной не хуже воздушных шаров.

– Когда отправленные искать тебя моряки будут возвращаться, задолго до города их встретят два смертоносца и направят в Дельту. Может быть, мы еще сможем ступить на палубы наших кораблей.

– Чтобы встретиться, нам нужно «услышать» пауков, которые встречают корабли. Извини Дравиг, но пришельцы хитры и опасны. Пока мы не убедимся, что все получилось, лучше рассчитывать только на себя. Давай воспользуемся опытом отца и двинемся к Ближней – выше по ее течению. Тогда у нас хотя бы с водой проблем не будет. А уж потом, отдохнув и оглядевшись, выберем дальнейший путь.

– Ты прав, Посланник Богини. Не стоит подвергать себя риску без крайней необходимости.

– Да, – кивнул Найл и оглядел авангард колонны.

Несколько сотен пауков – это немалая сила. По крайней мере, сколопендр и скорпионов бояться не придется.

– Мы не откажемся от встречи с ними, Посланник Богини, – подслушал мысли правителя Дравиг, – эти твари весьма питательны.

– Договорились, – согласился Найл, – они ваши. А с дороги свернем после полудня. Вряд ли пришельцы станут нас разыскивать. Скорее, они предпочтут разграбить город.

Смертоносец, не отвечая, устремился вперед, а его место занял другой:

– Рад видеть тебя, Посланник Богини.

– Шабр? – узнал восьмилатого «ученого» правитель. – Рад, что ты цел и невредим.

– Я не участвовал в походе, – ответил паук. – Мне и здесь работы хватало.

– Какой? – полюбопытствовал Найл.

– Не только человеческие матери нуждаются в медицинском уходе, – уклончиво ответил Шабр. – Скажи, а твоя служанка сопровождала тебя?..

– Нет, – сразу понял его правитель. – Нефтис оставалась в городе, и с ней ничего не случилось. Она здесь, едет в моей коляске. Ты пока не здоровайся с ней, пусть поспит.

– Хорошо, – согласился паук и счел своим долгом добавить: – Я беспокоился о ней, когда узнал, чем закончилось сражение у плато.

– С ней все в порядке, – повторил Найл.

– Кстати, Посланник Богини, наверное, тебе будет интересно узнать, что из людей, которые ушли из города вместе с тобой, по крайней мере половину я выбрал бы для эксперимента по оздоровлению человеческой расы.

– Нам сейчас не до экспериментов, Шабр, – покачал головой правитель.

– Ты не совсем правильно понял мою мысль, Посланник Богини, – ласково пожурил Найл а паук. – Но это не страшно, скоро сам догадаешься, о чем речь.

– Надеюсь, – не стал попусту обижаться правитель. – Скажи, а почему у вас так мало паучих? Насколько я помню, только в походе участвовало во много раз больше смертоносцев.

– Самцов всегда рождается намного больше, – охотно разъяснил Шабр. – Ведь самец может оплодотворить самку только раз в жизни, а самка способна иметь детей два раза в год. К тому же детская смертность бьет по ним сильнее. В общем, соотношение, которое поддерживалось раньше, было нормальным. А то, что творится сейчас, – это кошмар. Нам понадобится не меньше двух поколений, чтобы восстановить равновесие. А вот среди вас, людей, все наоборот. Каждый мужчина может наделать детей огромному количеству женщин. Так что малое количество самцов среди людей нисколько не повредит деторождению.

– На спинах паучих много уже родившихся детей.

– Это только кажется. Двухногие детишки куда более живучи, а у нас вырастает взрослым только один из многих и многих. Из оставшихся в живых воинов-смертоносцев большинство свой долг по продолжению рода уже выполнили. У людей таких проблем нет, так что, несмотря на наше кажущееся численное преимущество, ваше положение значительно благоприятнее.

– Ты забываешь, что люди вырождаются.

– Вот мы и вернулись к началу разговора, Посланник Богини: из тех людей, которые ушли из города вместе с тобой, по крайней мере половину я выбрал бы для оздоровления человеческой расы.

– У меня такое ощущение, Шабр, что ты не воспринимаешь происходящего всерьез. Для тебя все это – не более чем очередной эксперимент.

– Случившегося все равно не воротишь, Посланник Богини, а возникшая ситуация весьма интересна. Ведь помимо слуг, просто преданных тебе, из города ушли и те, кто самостоятельно решил изменить свою жизнь. Некоторые из мужчин увязались за твоими стражницами, вместе с которыми жили, некоторых служанки прихватили для развлечений, но часть их все же ушла не по приказу, не под угрозой, а сами решив поступить именно так. Кстати, женщины – те, что вместе с принцессой, – тоже поступили необычно для надсмотрщиц. Одно дело – наводить порядок в своем городе с молчаливого согласия Смертоносца-Повелителя, и совсем другое – этот город покинуть, как бы ты всех желающих с собою ни приглашал. Произошел отбор по крайне вредному для слуг параметру – повадке задумываться над выполняемыми приказами, над своими поступками.

Восьмипалый специалист по выведению людей увлекся, все глубже и глубже забираясь в дебри науки качественного воспроизводства двуногих.

– И вот тут вступает в действие тот самый фактор, о котором я уже упоминал: количественная разница между самцами и самками. Произойдет нежелательное при искусственном выведении перекрестное оплодотворение, и хотя бы некоторые из «активных» женщин произведут детей от «активных» мужчин. Возможно, произойдет суммирование свойств, а ведь именно привычка «думать» присуща дикарям, которых мы использовали для освежения породы. Может быть, это свойство идет в паре с общим здоровьем организма...

– А как будут размножаться смертоносцы? – не выдержав, перебил Найл.

– У нас все плохо, – чуть не вздохнул Шабр. – Нет половозрелых самцов. Нужно ждать, пока вырастут дети, и еще неизвестно, дождутся ли этого взрослые самки. Но вот люди... – Паук свернул на любимую тему. – Тут появились хорошие шансы. Надеюсь, я доживу до того дня, когда увижу, чем все это кончится...

– А что будет, если самки «не дождутся»? – Правитель опять вернулся к теме смертоносцев.

– Тогда откладывать яйца придется молоденьким самочкам, а их детишки всегда слабее, и потому смертность будет еще выше.

За разговором миновал полдень, походная колонна свернула на рыхлые пески пологих барханов. Идти людям стало заметно труднее.

«Хорошо еще дюны не такие крутые, как возле Диры, – подумал Найл, – а то бы половина горожан с непривычки завязла».

– Простите меня, господин мой, – подошла начальница стражи, – я уснула.

– Ты выполняла приказ, – рассмеялся правитель. – Как там Джарита?

– Пошла проверять, не пропало ли что-нибудь из вещей.

– Рад видеть тебя, Нефтис, – обратился к стражнице паук. – Нам предстоит трудный путь. Запомни: что бы ни случилось, какие отношения ни сложились бы между людьми и смертоносцами, ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, а я всегда буду готов тебе помочь.

– Спасибо тебе, Шабр, – узнала восьмипалого заметно смутившаяся девушка.

– И прости, – добавил Найл. – Нужно посмотреть, не отстал ли кто на бездорожье.

Как и ожидал правитель, перегруженные повозки засели по самую ось, не проехав по песку и сотни шагов. Мерлью уже поняла свою ошибку и руководила разгрузкой: несколько женщин, скинув котомки, перетаскивали узлы с первой повозки на коляску принцессы. Похоже, дальнейший путь дочь Коззака тоже собиралась преодолеть пешком.

- Не поможет, – хладнокровно прокомментировал правитель, подойдя ближе.
 - Что не поможет? – не поняла принцесса.
 - Нужно облегчить коляски, как минимум, на две трети. То есть раскидать груз с одной на все три повозки.
 - А остальное мясо куда? Бросить?
 - У тебя столько мяса? – поразился Найл. – Однако ты запаслива...
 - В дороге лишней провизии не бывает, – отрезала Мерлью.
 - Это точно, – согласился правитель и повернулся к стражнице: – Нефтис, к нам присоединилось довольно много народу налегке. Собери их и приведи сюда. Принцесса Мерлью обеспечит им поклажу.
 - Может, твою коляску тоже нагрузим? – предложила принцесса. – Все равно пустая.
 - Так и сделаем. А где Симеон?
 - Вперед побежал. Подожди, я сейчас. Мерлью перепоручила хлопоты с узлами Савитре, вернулась к Найлу и взяла его под руку.
 - Я уже забыла, когда в последний раз гуляла по песку. Словно в детство вернулась.
 - Завидую, – усмехнулся Найл. – Я бы предпочел другие воспоминания.
 - Почему? – удивленно приподняла брови девушка.
- Найл промолчал и ускорил шаг, нагоняя уходящую вперед колонну.
- А мои... служанки... нас... догонят? – начала задыхаться принцесса, изящные туфли которой вязли в сыпучем песке.
 - К вечеру, – кивнул правитель. – Следы от нас остаются заметные, не заблудятся.
 - Постой секунду, – взмолилась принцесса, – дай передохнуть!
 - У тебя очень красивые туфельки, – похвалил Найл, – впервые такие вижу.
 - Да-а? – кокетливо, несмотря на усталость, улыбнулась Мерлью.
 - Да, – кивнул Найл. – Ты бы сняла их да пошла босиком.
 - А долго еще идти?
 - Дней десять.
 - Великая Богиня! – охнула принцесса и села на песок.

* * *

Все-таки Найл не устоял и позволил Мерлью до вечера ехать в своей коляске. Правда, утром эта красавица надела уже не туфли, а низкие мягкие сапожки, красное же платье сменилось ярко-белой блузкой и бирюзовой плиссированной юбкой. В ушах сверкали жемчужные серьги, в волосах – заколка из яшмы.

- Ты что, весь гардероб с собой забрала? – съехидничал Найл.
- Что же я его – врагам брошу? – поджала губы принцесса, и правитель махнул на нее рукой.

Правда, нужно отдать ей должное, Мерлью поднялась на ноги без единой жалобы. Повторить ее подвиг смогли только гужевые, охранницы Смертоносца-Повелителя, Нефтис и еще несколько стражниц. Остальные люди валялись на песке, держались за ноги и тихонько стонали.

Не мудрствуя лукаво, Найл попросил помощи у Дравига. Через минуту несколько пауков пробежалось по лагерю, и вскоре все «болящие» вскочили и расхватили котомки. Правда, порядок движения немного изменился: рабы теперь шли позади свиты принцессы, а паучихи с детьми переместились в хвост колонны, хотя смертоносцы по-прежнему держались впереди.

Теперь уже ни у кого не появлялось желания переброситься парой слов, обогнать впереди идущего или оглянуться на тех, кто следом. Все сосредоточенно наблюдали за собственными ступнями, загребающими песок. Легче стало только гужевым: ввечеру правитель позаботился

о том, чтобы воду и еду все брали с повозок, а не из собственных котомок, да и принцессу утром в коляску уже не пустил. Та, конечно, обиделась, но спорить не стала.

Первой – часа через три после выхода – свалилась одна из охранниц. Раньше всех на месте происшествия оказался Дравиг. Замер на секунду над женщиной, потом позвал Найла.

– Она жива, Посланник Богини. Ее никто не трогал, сама упала.

– Я знаю, – ответил правитель. – Приведи Симеона, мне его искать долго.

– Слушаюсь, Посланник Богини.

Найл дошел до своей коляски, послал гужевых вперед и запрыгнул напоследок на мягкие сиденья.

Симеон добежал до охранницы, сел рядом. Пощупал лоб, пульс. Открыл ей рот и осмотрел язык.

– Все ясно. Прохладный компресс, тень, покой.

– Клади ее в повозку, – спрыгнул рядом правитель. – Сам тоже садись. Поедешь позади, будешь подбирать упавших.

– Думаешь, еще будут? – выпрямился медик.

– Наверняка. Солнце так печет... У нас больше пяти сотен человек, обязательно несколько сомлеют. – Найл безнадежно вздохнул. – По пустыне ночью ходить нужно! Да вот пауки не могут...

К вечеру свалились еще пятеро женщин, все – из свиты принцессы. Правитель подозревал, что они, имея собственные бурдючки с водой, просто опились на жару и «поплыли». Симеон подобрал всех и к следующему утру поставил на ноги.

На третий день колонна поднималась еще труднее, среди людей царило уныние. Большинство проклинали тот день, когда решились отправиться в путь. Бодрыми казались только Симеон и принцесса Мерлю, которая считала ниже своего достоинства выглядеть плохо. Даже постоянно находящаяся рядом Нефтис начала спотыкаться. А Найл думал о том, что пока еще хоть воды и продуктов в достатке. Настанет день, когда их станет не хватать.

В середине дня по небу поползли все более и более пухлые кучевые облака, подул ветерок. Найл начал всерьез надеяться на грозу, но вскоре облака рассеялись – так же быстро, как и появились, а ветер вместо капель кидал на пересохшие губы мелкие невесомые песчинки, не ощущаемые языком, но постоянно скрипящие на зубах. Противно, но ничего не поделаешь, их даже сплевывать нельзя – пользы никакой, а пропадающую зря влагу жалко.

К вечеру Симеон подобрал уже три десятка выдохшихся, среди которых оказалось шестеро мужчин. Гужевые еле волокли перегруженные повозки, колеса опять стали зарываться глубоко в песок.

Вечером Симеон тяжело уселся рядом с блаженно вытянувшим ноги правителем и предупредил:

– Ты должен дать людям отдых.

– Нельзя, – устало покачал головой Найл. – Провианта впритык. И так-то, похоже, не хватит.

– Завтра сможет идти только половина из тех, кого я подобрал. Еще кое-кто просто не встанет. Выдохлись люди, устали, можешь ты понять?! Не привыкли они сутки напролет песок месить! Они к городу привыкли, к ровным улицам, хорошей еде, воде вдоволь. Передохнет ведь половина, не дойдут до твоего Счастливого Края!

– Нам десять дней пути, Симеон. Дать отдых – получится двенадцать. Потом ты еще отдыха попросишь. Будет четырнадцать. Воды у нас дней на десять, еда – копченая да соленая. Значит, считай, и того меньше. На четырнадцатый день в пустыне без воды сдохнут все.

– Ты не поднимешь утром три-четыре десятка людей, – стоял на своем медик. – Им нужен отдых.

– Давай спать, – миролюбиво предложил Найл. – Может, утром все образуется.

Однако действительность превзошла самые смелые предположения Симеона: утром не встал никто, кроме гужевых. Впервые за все время пребывания в городе Найл испытал к этим туповатым молчаливым людям чувство уважения. После грозных окриков правителя на ноги поднялась Нефтис. Точнее, это правитель поднял ее под мышки и поставил на ноги. Следом, совершенно самостоятельно, встала принцесса Мерлью. Немного постояла, закрыв глаза стиснув зубы, потом небрежно отряхнула с короткого зеленого платья песок и даже нашла в себе силы улыбнуться:

– С добрым утром, Найл!

– Ну, что я тебе говорил? – не без злорадства припомнил медик. – Людям нужен отдых!

– Сам-то вставай, – грубовато предложил правитель. – Ты-то, чай, не ножками шел, а в повозке ехал.

– А что это изменит? – хмыкнул Симеон, широко зевнул, но все-таки поднялся.

Поле, окруженное серыми, суровыми смертоносцами, устлало тела слабо шевелящихся людей. Никто из них не мог даже подняться к поставленным в центре лагеря кувшинам с водой. Так и валялись, время от времени устало проводя сухим языком по потрескавшимся губам. Найл дошел до принцессы, взял из ее запасов ломоть розового вяленого мяса, стал его неторопливо разжевывать, запивая еще прохладной с ночи водой.

– Может, привал на денек сделаем? – с надеждой спросила Мерлью.

Найл недовольно буркнул, проглотил недожеванный кусок и направился к гужевым:

– Мужики, поставьте две коляски рядом одна с другой. Кто не сможет встать – снесите их под повозки, в тень.

А затем обратился к Дравигу с просьбой еще раз помочь поднять людей в дорогу.

Смертоносцы двинулись через лагерь, кого просто нахлестывая своей волей, кого пиная жесткими суставчатыми лапами, над кем грозно шевеля хелицерами. Путники зашевелились, издавая жалобные стоны, но крепко вбитая в сознание обязанность подчиняться приказам пауков делала свое дело.

В тень колясок гужевые принесли от силы два десятка человек, которые, зажмурившись, терпели и угрозы, и удары, и легкие покусывания, но не двигались. В одном из сдавшихся перед трудной дорогой Найл с грустью узнал того самого паренька, что увязался следом из-за любви к одной из стражниц.

– Как тебя зовут? – спросил правитель, присев рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.